

М.Ф. Слинкин АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ ¹

БАБРАК КАРМАЛЬ

Бабрак Кармаль родился 6 января 1929 г. в Камари (близ Кабула). Он был вторым ребенком из пяти детей (четыре сына и одна дочь) в семье генерал-полковника Мухаммада Хуссейн-хана, пуштуна из гильзайского племени моллахейль. М.Хуссейн-хан занимал высокие армейские посты при королевском режиме, в том числе командовал дивизией и корпусом, и являлся генерал-губернатором провинции Пактия. Мать Бабрака, таджичка по национальности, умерла, когда он был маленьким. Воспитывался второй женой отца (она приходилась сестрой его первой жене). От этого брака у М.Хуссейн-хана было еще двое детей. Представляется вполне естественным, что в семье, где хозяйкой дома была таджичка, больше говорили на дари, чем на пушту. В связи с частыми переездами отца Бабрак длительное время проживал в смешанной таджико-пуштунской семье врача Кирамуддина Какара (впоследствии личного хирурга короля).

Будучи заключенным королевской тюрьмы (1952-1956 гг.), Бабрак выбрал себе прозвище (фамилию) «Кармаль» (в переводе с пушту – «друг труда»). Не могут не вызывать в связи с этим по меньшей мере улыбку суждения иного рода, встречающиеся в трудах некоторых западных авторов (А.Арнольд, Г.С.Бредшер и др.), которые в воинственном антикоммунистическом азарте пытались непременно найти даже в имени этого политического деятеля признаки его принадлежности к «красным». Так, по их мнению, «Кармаль» - это-де аббревиатура от слов «Карл Маркс, Ленин» или же фонетическое переложение на языке дари слова «Кремль». Все это не соответствует истине и есть не что иное, как вариант известного сказа про «развесистые сучья столетней клюквы».

Среднее образование он получил в престижном столичном лицее «Неджат» (позже он стал называться «Амани») где обучение велось на немецком языке и преподавали немецкие учителя. Атмосфера лицея, основанного в 20-х годах XXв. монархом-реформатором Амануллой-ханом, была традиционно пропитана духом вольнодумства и радикализма, идеями модернизации застойного афганского общества и государственного строя в соответствии с веяниями времени. Уже на школьной скамье Бабрак знакомится с либеральными идеями и взглядами и проявляет черты признанного молодежного лидера. Окончание им лицея в 1948 году совпало с расширением в стране демократического движения. Бабрак оказался в его рядах. С момента создания в апреле 1950 года Союза студентов Кабульского университета он становится одним из активных его членов, хотя в это время он еще не был студентом университета. В 1950 году он пытается поступить на юридический факультет данного столичного вуза. Однако ему отказывают в этом из-за участия в молодежном демократическом движении и прежде всего как одному из основателей и руководителей Союза студентов. На следующий год он все же добивается зачисления в студенты юридического факультета. Уже в эти годы ярко проявились его выдающиеся ораторские способности. Он принимает активное участие в студенческих митингах, собраниях и дискуссиях, тесно сотрудничает с оппозиционной группировкой и газетой «Ватан» («Родина»), которыми руководил известный афганский историк и общественный деятель М.Г.М.Губар.

В 1952 году в ходе расправ над оппозиционерами-интеллектуалами, требовавшими демократизации общественно-политической жизни страны, Бабрак был арестован и приговорен к четырем годам тюремного заключения. В тюремных застенках он познакомился с известным в столице представителем бунтарской, антимонархической интеллигенции, бывшим офицером полиции Мир Акбаром Хайбаром. Беседы с ним явились важным звеном на пути постижения Б.Кармалем марксистского учения. С выходом из тюрьмы под залог в 1956 году он некоторое время работал переводчиком английского и немецкого языков. В следующем году в соответствии с законом о всеобщей воинской повинности был призван на действительную военную службу. После ее окончания в 1959 году продолжил учебу в Кабульском универси-

¹ Продолжение. См. в №№ 82, 85 и 98 настоящего журнала.

тете. В 1960 году он успешно завершил университетское образование и получил диплом юриста. В 1960-1964 годах работал сначала в бюро переводов министерства просвещения, а затем - в министерстве планирования. В указанные годы окончательно формируются его левые взгляды. По некоторым данным, уже в 1960 году он вместе с М.А.Хайбаром организовали первый подпольный марксистский кружок, в который входили демократически настроенные представители столичной интеллигенции, в основном из числа разночинной молодежи.

С момента принятия конституции 1964 года и декларирования в ней права афганских граждан на создание политических партий и организаций начинается период бурной общественно-политической деятельности Б.Кармалы. Вместе с Н.М.Тараки и некоторыми другими лицами он явился одним из создателей Народно-демократической партии Афганистана. На ее I Учредительном съезде, состоявшемся 1 января 1965 года, он избирается заместителем секретаря ЦК партии. Ему было поручено съездом возглавить комиссию по разработке программы и устава НДПА. В следующем году подготовленная под его руководством программа партии была принята на пленуме ЦК и опубликована в первом (сдвоенном) номере газеты «Хальк». Весной 1967 года состоялось утверждение устава НДПА. Б.Кармаль опубликовал в газете «Хальк» ряд статей, в которых обосновал необходимость создания в Афганистане легальной политической организации и раскрыл цели и задачи леводемократического движения.

С мая 1967 года, после раскола НДПА на две группировки, Б.Кармаль возглавил организацию, назвавшую себя «Народно-демократической партией Афганистана (партией трудящихся Афганистана)». Впоследствии его организация стала больше известна под названием «Парчам».

В 1965 и 1969 годах Б.Кармаль дважды избирался от г. Кабула депутатом нижней палаты парламента - Вулуси джирги. Его страстные выступления с парламентской трибуны по вопросам внутренней и внешней политики страны снискали ему широкую известность в афганском обществе - симпатии и уважение одних, ненависть и злобу - других. Его популярность среди прогрессивной афганской общественности еще больше возросла с началом издания газеты «Парча» («Знамя»), которая почти в каждом номере помещала его политически острые, общественно значимые статьи и заметки.

В годы «демократического эксперимента» (1963-1973 гг.), проводившегося сверху монархическим режимом, группировка Парчам во главе с Б.Кармалем сумела в условиях строжайшей конспирации создать среди армейского офицерства довольно разветвленную, прежде всего в столичном гарнизоне, подпольную организацию. Именно она, отдав поддержку М.Дауду, обеспечила почти бескровный государственный переворот 1973 года и провозглашение в стране республиканского строя. Б.Кармаль не занял никаких постов в администрации М.Дауда. Однако по просьбе последнего принял активное участие в разработке программных документов республиканского правительства и подборе кандидатов на ответственные государственные посты в центре и на местах из числа, главным образом, лиц, придерживавшихся левых взглядов. Такой «союз» Дауда с Кармалем, как и следовало ожидать, уже в конце 1973 года был расторгнут. За Б.Кармалем была установлена негласная слежка, а с марта 1974 года его сторонники стали изгоняться с государственной службы.

Летом 1977 года, когда обе фракции НДПА - Хальк и Парчам - оказались перед угрозой физической расправы, состоялась их объединительная конференция. На ней Б.Кармаль был избран одним из трех секретарей ЦК партии. В условиях подполья, по его собственному признанию, он выступал против использования насилия в борьбе с даудовским режимом, на чем настаивали халькисты.

Ночью 26 апреля 1978 года Б.Кармаль вместе с другими руководителями НДПА был арестован даудовской полицией, но спустя 40 часов освобожден восставшими офицерами. Когда успех восстания стал очевидным, он, вопреки требованиям халькистских лидеров - Тараки и Амина, настаивал на сохранении жизни М.Дауду и членам его семьи.

После прихода к власти НДПА Б.Кармаль вошел в высшие государственные органы страны, заняв посты заместителя председателя Революционного совета ДРА и заместителя премьер-министра. Через два месяца (5 июля 1978 г.) в связи с обострившимися халькопарчамистскими противоречиями был выведен из состава правительства и назначен послом в

Чехословакию. Но уже в августе был смещен с этого поста. 27 ноября по решению пленума ЦК НДПА он вместе с Нур Ахмад Нуром, С.А.Кештмандом, А.Ратебзад, М.Барьялаем, Абдул Вакилем, Наджибом, А.Кадыром и М.Рафи были исключены из рядов партии по обвинению «в активном участии в преступном контрреволюционном, антигосударственном и антипартийном заговоре». До декабря 1979 года находился в Чехословакии на положении политического эмигранта. Все это время он собирал вокруг себя антиаминовские силы, особенно те, которые находились внутри страны, и готовил их к выступлению.

В начале второй декады декабря 1979 года Б.Кармаль тайно был доставлен сотрудниками КГБ СССР на афганский военный аэродром Баграм, однако уже 14 декабря, по неизвестным пока причинам, его срочно вывезли самолетом обратно в Ташкент. Ночью 23 декабря Кармаль снова был привезен в Баграм, где в капонирах, вырытых на краю аэродрома, окруженный бдительной охраной из небезызвестной группы «Альфа», вместе с рядом своих ближайших соратников находился до вечера 27 декабря. Здесь же состоялось заседание еще не известного миру нового состава Политбюро ЦК НДПА (правда, в узком составе) по обсуждению плана предстоящих действий. Рано утром 28 декабря, когда Х.Амин был уже мертв и путь к власти силами советских спецслужб был расчищен, ведомая советскими экипажами колонна танков и бронетранспортеров, в одном из которых ехал Б.Кармаль, доставила его в Кабул, в гарнизон одной из воинских частей афганской армии.

С указанного времени и до начала мая 1986 года он являлся генеральным секретарем ЦК НДПА и председателем Революционного совета ДРА (до июня 1981 года был одновременно и главой правительства - премьер-министром). На его плечи, если иметь в виду бушевавшую в Афганистане гражданскую войну и расширявшееся день ото дня внешнее вмешательство во внутриафганские дела, легла огромная ответственность за судьбы страны и народа. К сожалению, он, хорошо знавший специфику своей страны и имевший солидный запас авторитета среди широкой афганской общественности, получил крайне ограниченные возможности как выработать собственную, отвечающую реалиям дня политику, так и направлять ход событий в нужное русло. Окруженный сонмищем некомпетентных в афганских делах советских советников, он оказался на положении политического заложника Москвы. Впоследствии он с горечью признал в беседе с одним из советских журналистов: «Я не являлся руководителем суверенного государства. Это было оккупированное государство, где реально правили вы... Я шагу не мог ступить без ваших советников».

Однако надо со всей категоричностью отметить, что Б.Кармаль не был безропотным, слепым исполнителем воли Кремля. Мне, работавшему в те годы в высших партийных сферах Кабула, не раз приходилось слышать его сетования по поводу непонимания «советскими товарищами» специфики Афганистана и их открытого диктата. Такое стремление иметь собственное мнение, несговорчивость и прецеденты игнорирования им «советов» (читай - приказов. - М.С.), ниспосланных Кремлем и исходивших из уст аккредитованных в афганской столице высокопоставленных советских особ, типа грубого по своей натуре, маловоспитанного совпосла Ф.А.Табеева (член ЦК КПСС, до 1979 г. - первый секретарь Татарского обкома КПСС), руководителя оперативной группы Генерального штаба генерала армии В.И.Варенникова, резидентов КГБ в Кабуле и пр., вызывали у последних неприкрытое раздражение и неприязнь к Кармалю. Они постарались создать в высших эшелонах советского партийно-государственного руководства негативный образ афганского лидера, как пьяницы, иждивенца, пытающегося-де взвалить решение всех проблем афганского кризиса на советскую сторону и отсидеться под прикрытием советских войск, как человека нерешительного по характеру, и более того, на последнем этапе, неспособного-де реализовать выработанную в Москве политику национального примирения.

Представляется совершенно не случайным, что и в Москве стали разделять подобную оценку личности Кармаля, как партийного и государственного деятеля. М.С.Горбачев с голоса своих представителей в Кабуле на заседании Политбюро ЦК КПСС 13 ноября 1986 г. безапелляционно заявил: «Политика Кармаля проста: сидеть и править, а воевать оставить нам». Если быть правдивым до конца (конечно, Кремль не мог не знать об этом), вот «править»-то страной Кармалю не давали и Москва, и ее многочисленные представительства в различных ведомствах Афганистана и особенно советское посольство в Кабуле.

Скажем прямо, крайне негативную роль в судьбе Кармаля, как главы афганского государ-

ства, сыграл, безусловно, совпосол Табеев. По сути дела, именно он лишил Кармалю любого намека на самостоятельность в подготовке и решении тех или иных вопросов внутренней и внешней политики. Совпосол со свойственной ему надменностью и самоуправством в отношениях с Кармалем не стеснялся в выражениях. На еженедельных аппаратных совещаниях в посольстве мне не раз приходилось слышать такого рода тирады Ф.А.Табеева:

- Вот вчера я встречался с Кармалем. Мы с ним крепко поддали и я ему сказал «Не смей!» (далее уточнялся вопрос, по решению которого у Кармалю было свое, иное чем у Табеева, мнение. - М.С.).

В Москве, к сожалению, до поры до времени старались не замечать подобное хамство совпосла, считая его незаменимой фигурой, а его стиль руководства и поведение - показателем высокой требовательности и проявлением воли по достижению поставленной цели в чрезвычайных обстоятельствах.

Кармаль, насколько мне известно, неоднократно пытался освободиться от жесткой опеки и диктата Ф.А.Табеева. В связи с этим мне памятен один разговор с Кармалем. Обмениваясь мнениями по ряду проблем, относящихся к международным связям НДПА, последний выразил пожелание сделать регулярными такого рода беседы. При этом он высказал мнение о желательности встреч и с другими советскими советниками, чтобы быть в курсе всех решаемых наверху насущных проблем. Естественно, я доложил об этой просьбе Кармалю совпослу. Реакция у него на это была весьма бурной:

- Советовать Кармалю, что делать, и беседовать с ним буду лично я. А вам и другим советникам у него делать нечего!

Как это ни прискорбно говорить, однако среди высшего руководства Афганистана грубость совпосла упорно связывалась с его личными качествами и прежде всего с его национальным происхождением. Открыто об этом не заявлялось, но в афганских обращениях в Москву по поводу направления в страну советских советников высокого ранга нередко в инскапательной форме добавлялось: «Желательно, чтобы этот советник был из Российской Федерации» (читай - славянин. - М.С.).

Кроме всего прочего, Б.Кармаль для многих советских ведомств, прежде всего силовых, втянутых в афганскую трагедию, представлялся удобным «козлом отпущения», чтобы списать на него все свои просчеты, огрехи, ошибки и явные провалы. К дискредитации Б.Кармалю, как человека и политического деятеля, приложили свою руку и его оппоненты из крыла Хальк, и недоброжелатели из его собственного окружения. В конце концов судьба Б.Кармалю была окончательно решена в Москве, за его спиной, за спиной руководства НДПА и ДРА. Еще в феврале 1986 г., в дни работы XXVII съезда КПСС, М.С.Горбачев неприкрыто продемонстрировал свою неприязнь к Кармалю и одновременно покровительство и подчеркнутую любезность к члену афганской партийной делегации, креатуре КГБ Наджибулле, заранее дав этим понять, на кого в Кабуле ставит Кремль. Б.Кармаль, конечно же, не мог не почувствовать изменившегося к себе отношения Москвы.

Возвратившись в Кабул, Б.Кармаль выступил с большим докладом на 17-м пленуме ЦК НДПА, состоявшемся 27 марта. В докладе им были еще раз изложены принятые ранее основные положения концепции политического урегулирования афганского кризиса, которая чуть позже (но уже без него) была дополнена рядом новых положений и получила название «политики национального примирения». С трибуны пленума он, имея в виду вооруженную оппозицию, заявил: «Мы готовы пойти на компромиссы ради прекращения кровопролития, памятуя, что кровь смывается не кровью, а водой». Это его выступление в качестве генерального секретаря ЦК партии стало для него последним.

О том, что Москва посчитала далее невозможным иметь дело с Б.Кармалем, в Кабуле было известно лишь узкому кругу официальных советских лиц. Автор этих строк, работавший в то время политическим советником по международным связям в аппарате ЦК НДПА, узнал о намеченной смене власти в Афганистане 28 марта случайно, при разговоре в здании посольства со своим старым знакомым, военным и военно-воздушным атташе, полковником В.Т.Сень. При этом известии у меня невольно вырвалось: «Какой же глупец мог такое придумать?» Василий Тимофеевич молча показал пальцем на второй этаж, где находилась резиденция представителя КГБ в Кабуле.

В этот же день у меня состоялась встреча с ответственным сотрудником Международного отдела ЦК КПСС Г.А.Поляковым, прибывшим в афганскую столицу с рабочим визитом. Из беседы с ним я понял, что и он, хорошо знающий специфику Афганистана и прекрасно разбирающийся в афганских делах, совершенно не поддерживает затеянную смену партийного и государственного руководства этой страны. В связи с тем, что заканчивалась моя четырехлетняя служебная командировка в ДРА и мне предстояло 31 марта 1986 г. возвратиться на родину, я через Г.А.Полякова обратился к заместителю заведующего Международным отделом ЦК КПСС, профессору Р.А.Ульяновскому с просьбой принять меня для изложения своей позиции по вопросу о смене афганского руководства.

Смещение Б.Кармалю с поста генерального секретаря ЦК НДПА мотивировалось в московских коридорах власти в основном следующими доводами: он (Б.Кармаль) не справляется с возложенными на него ответственными функциями главы государства и партии; он повинен в параличе власти и создании в стране глубокого кризиса: военного, социально-экономического, политического, морально-психологического и партийного; ему больше не доверяют даже лица из его ближайшего окружения (имелся в виду прежде всего Наджибулла - М.С.); его психологическое состояние и здоровье серьезно подорваны пьянством, близким к алкоголизму; он стал помехой на пути реализации курса политического урегулирования обстановки внутри и вокруг Афганистана.

Трудно сказать, чего больше было в этих обвинениях: полного незнания причин и истоков афганского кризиса или же преднамеренного очернительства и стремления во что бы то ни стало убрать неугодного Б.Кармалю и таким образом снять с себя вину за провал афганской авантюры. Представляется, что, если бы на предварительной стадии обсуждения вопроса о смене афганского лидера участвовали специалисты-профессионалы по Афганистану, то их мнения и оценки во многом были бы иными. Однако, к сожалению, такого рода механизм принятия решений был в принципе чужд высшему советскому руководству (автор не касается здесь морального и международно-правового аспекта принятия подобных решений, если подходить к Афганистану как к суверенному государству).

29 марта у меня состоялась прощальная встреча с Б.Кармалем в его официальной резиденции «Гольхане». Первоначально беседа велась в присутствии его советской охраны - четырех офицеров КГБ и его помощника М.А.Фарзама. Б.Кармаль как всегда выглядел бодрым и энергичным, правда, на сей раз несколько чем-то озабоченным. Когда мы по его предложению перешли в его кабинет и остались вдвоем, он сообщил, что завтра за ним из Москвы прилетает специальный самолет. Не скрывая своей тревоги по поводу причин неожиданного для него приглашения (читай - вызова. - М.С.) в советскую столицу, он в ходе почти получасовой беседы по крайней мере трижды интересовался у меня, чем это вызвано. Мне пришлось по этическим соображениям, кривя душой, пожать плечами и сослаться на неосведомленность.

По прибытии в Москву меня принял Р.А.Ульяновский. На беседе присутствовал также заведующий сектором Международного отдела ЦК Н.Н.Симоненко. Обосновывая свою позицию относительно неразумности отставки Б.Кармалю с поста генерального секретаря ЦК НДПА и замены его Наджибуллой, я подчеркнул, что эти кадровые меры могут иметь для власти в Кабуле тяжелые, непредсказуемые последствия. Мои контраргументы коротко сводились к следующему:

1) Устранение Б.Кармалю с политической арены Афганистана не оправданно. Его политический и организаторский потенциал еще далеко не исчерпан. Ему, как лидеру, по авторитету в общенациональном масштабе не было в то время никого равных (примеч.: на данной беседе вопрос о пьянстве Б.Кармалю вообще не возникал из-за отсутствия для этого веских оснований).

2) Уход Б.Кармалю с высшего партийного поста неизбежно приведет к новым расколам в руководстве НДПА и дальнейшему ее дроблению на мелкие, соперничающие между собой группировки, что еще больше ослабит ее и олицетворяемый ею режим.

3) Наджибулла, в противовес Б.Кармалю, не может быть признан в Афганистане в качестве общенационального лидера по многим причинам: молодости (на мусульманском Востоке зрелым считается возраст после 40 лет, а ему тогда было только 38), племенной принадлежности к гильзиям (если учитывать извечную неприязнь и вражду между гильзиями и дуррани,

пактийцами и кандагарцами), фактического отсутствия у него необходимого опыта партийной и хозяйственной деятельности. Кроме того, репутация Наджибуллы в глазах широкой афганской общественности была значительно подорвана в результате его причастности к расправам над политической и военной оппозицией в годы, когда он возглавлял службу безопасности ХАД.

4) Было подчеркнуто, что проблема укрепления левого режима в Афганистане лежала в то время не в плоскости Б.Кармаль-Наджибулла. Дело в том, что в период правления Б.Кармаля в стране сложилась парадоксальная ситуация, при которой пуштуны, авторы афганской государственности и традиционно, на протяжении более чем двух столетий державшие в своих руках политическую власть, оказались вытесненными из высшего государственного руководства: посты главы государства, правительства и партии заняли представители национальных меньшинств (примеч.: следует иметь в виду, что Кармаль, полупуштун и полутаджик по происхождению воспринимался в обществе скорее как таджик). Такое положение гордые и самолюбивые пуштуны вряд ли будут долго терпеть. В связи с этим назрела необходимость разделить посты генерального секретаря партии и главы государства и привести на последний пост (с более широкими полномочиями) признанного в пуштунской этнообщности авторитета.

Р.А.Ульяновский, вопреки присущей ему манере активно вести беседу, на сей раз выслушал меня, не проронив ни единого слова и не задав ни одного вопроса. Для меня стало абсолютно ясным, что «поезд уже ушел»: смещение Б.Кармаля состоялось.

Б.Кармалю, когда он прибыл в Москву, в учтиво-повелительной форме предложили «во имя высших интересов страны» добровольно уйти в отставку и передать властные партийные полномочия Наджибулле. Вслед за этим весь апрель месяц советская сторона вела усиленную индивидуальную обработку членов политбюро и ЦК НДПА, убеждая их в «насущной необходимости» смены высшего партийного руководства. И эти старания дали желаемые плоды. 4 мая состоялся 18-й пленум ЦК НДПА, который придал принятому в Москве решению видимость некоего самостоятельного, сугубо внутриафганского волеизъявления. Б.Кармаль был освобожден «по состоянию здоровья» (?) от обязанностей генерального секретаря ЦК партии при сохранении за ним членства в политбюро ЦК и поста председателя Революционного совета ДРА. Генеральным секретарем ЦК был «избран» Наджибулла.

Решения пленума о смене руководства партии взбудоражили кабульскую общественность - приверженцев Б.Кармаля. В городе состоялись многочисленные демонстрации и митинги протеста. На стенах домов и заборах появились надписи «Долой советскую собаку!» (под «советской собакой» подразумевался Наджибулла). Чтобы не допустить дальнейшего драматического развития событий, власти вынуждены были ввести в город танки и бронетранспортеры и привести в боевую готовность силовые структуры.

Однако положение, при котором бывший учитель и лидер партии продолжал оставаться за одним столом с новым партийным вождем, никак не могло устроить стремившегося к самостоятельности Наджибуллу. Настроения и сетования последнего по этому поводу разделяло и советское руководство. В итоге Б.Кармаля вынудили подать «прошение» об освобождении от всех партийных и государственных постов. Состоявшийся 20 ноября 1986 года 20-й пленум ЦК НДПА принял его отставку в связи, как подчеркивалось в речи Наджибуллы, с его (Б.Кармаля) «неудовлетворительным состоянием здоровья», подорванным-де «тяжелым бременем огромной ответственности» (следует заметить, что в письме Б.Кармаля, адресованном ЦК НДПА и Революционному совету ДРА, ни слова не было сказано о состоянии здоровья и неспособности нести бремя ответственности. - М.С.). Б.Кармаль был выведен из состава политбюро ЦК и освобожден от обязанностей председателя президиума Революционного совета и председателя Ревсовета ДРА, однако оставлен членом ЦК партии и членом Ревсовета ДРА. В начале мая 1987 года он вместе с семьей был отправлен в Москву в почетную ссылку или, как официально говорилось в афганской прессе, «по совету врачей и по приглашению на лечение и отдых».

Во все нелегкие периоды своей политической деятельности Б.Кармаль убежденно верил в правоту избранного им пути, целью которого являлось преобразование афганского общества на демократических началах, и, как представляется, был искренен в симпатиях к Советскому

Союзу не только в пору своей романтической молодости, но и позже, когда, оказавшись на кабульском олимпе, он испытывал на себе всю бесцеремонность и неприкрытый диктат «советских друзей». Весьма показательно, что одному из своих сыновей он дал имя Восток, по названию запущенного в 60-е годы советского космического корабля. Обращаясь к социализму, он видел в нем альтернативу жестокому, бездуховному, антигуманному капиталистическому общественному устройству. Вместе с тем, будучи убежденным демократом и разделяя идеи марксизма, он решительно выступал против немедленной социализации Афганистана, считая, что эта страна совершенно не созрела и не готова для подобного рода волонтеристских экспериментов.

Б.Кармаль не был пьяницей, хотя такой ярлык, надо признать, на него упорно пытались навесить именно те находившиеся в Кабуле советские влиятельные деятели, прежде всего сопосол Ф.А.Табеев, которые, следует ради истины подчеркнуть, сами являясь закоренелыми поклонниками Бахуса, считали чрезмерное возлияние при любой встрече с афганскими должностными лицами непреложной нормой, эдаким шиком гостеприимства.

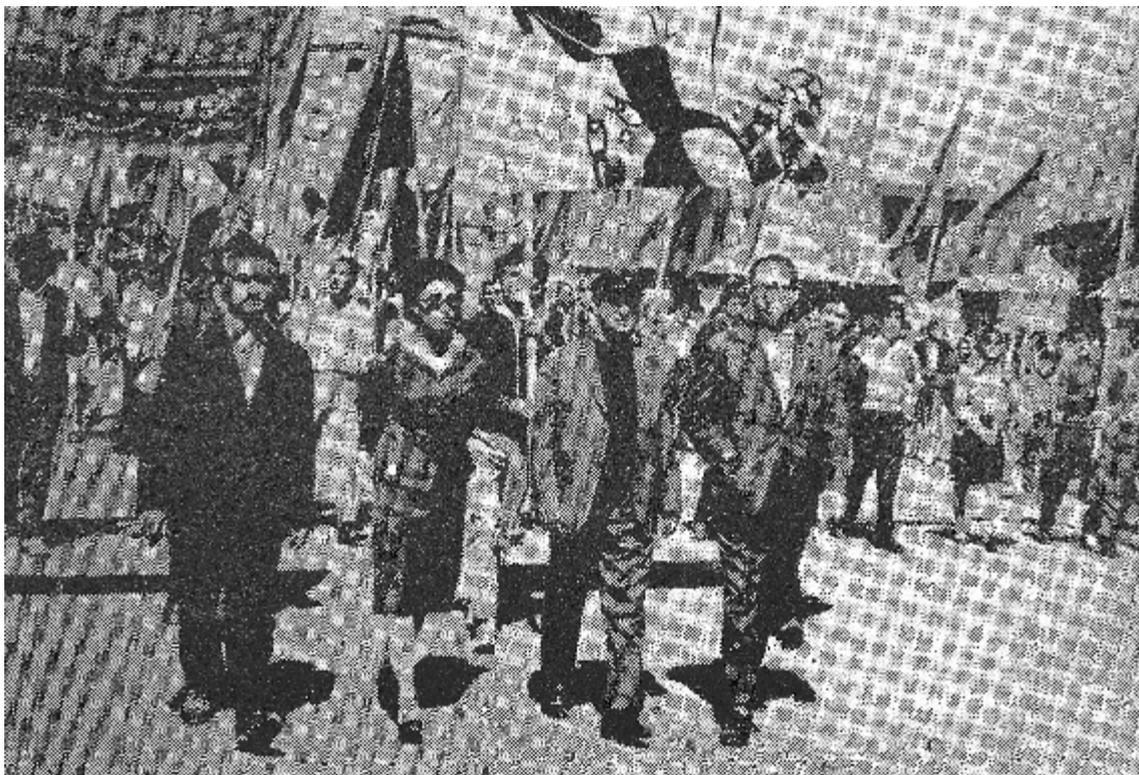
Б.Кармаль не был и жестоким человеком. Ведя борьбу со своими противниками, он, как глава государства, не опускался до массового террора, до слепой мстительности, что, впрочем, расценивалось в кругах его внутривластных неблагожелателей как слабость характера, нерешительность и даже как трусость. Он был широко образованным, эрудированным человеком, свободно владевшим, кроме дари и пушту, немецким и английским языками. Имел двух сыновей и двух дочерей. Жена (с 1956 г.) - Махбуба Кармаль.

В июне 1990 года на II съезде партии был заочно избран членом Центрального совета Партии Отечества. Преданный горбачевской и ельцинской камарильей он возвратился 19 июня 1991 года в Кабул. Не занимая никаких партийных и государственных постов, проживал в афганской столице до прихода к власти моджахедов в апреле 1992 года.

После падения Кабула вместе с семьей перебрался в Мазари-Шариф, центр обширного афганского Севера, контролируемого его старым приверженцем, генералом А.Р.Дустомом, а затем в Москву. 1 декабря 1996 г. Б.Кармаль умер в 1-й Градской больнице. Похоронен в Мазари-Шарифе. Некоторые члены его семьи проживали сначала в Индии, а впоследствии - в Германии.

Что бы ни говорили недруги левого кабульского режима внутри страны и за рубежом, как бы они ни принижали роль Б.Кармаля в афганской истории, он, несомненно, является одним из выдающихся государственных деятелей Афганистана второй половины XX в.

© Фото из архива автора и альбомов «Афганистан сегодня» и «Afghanistan. The Revolution Continues»

Кабул, 1969 г. Первомайская демонстрация левой оппозиции. В первом ряду (слева направо): М.А.Хайбар, А.Ратевзад, Б.Кармаль, С.А.Кештманд.

Кабул, июль 1977 г. Лидеры НДПА после объединительной конференции.
Слева направо (в первом ряду): А.Ратевзад, М.А.Хайбар, Н.М.Тараки, Б.Кармаль.

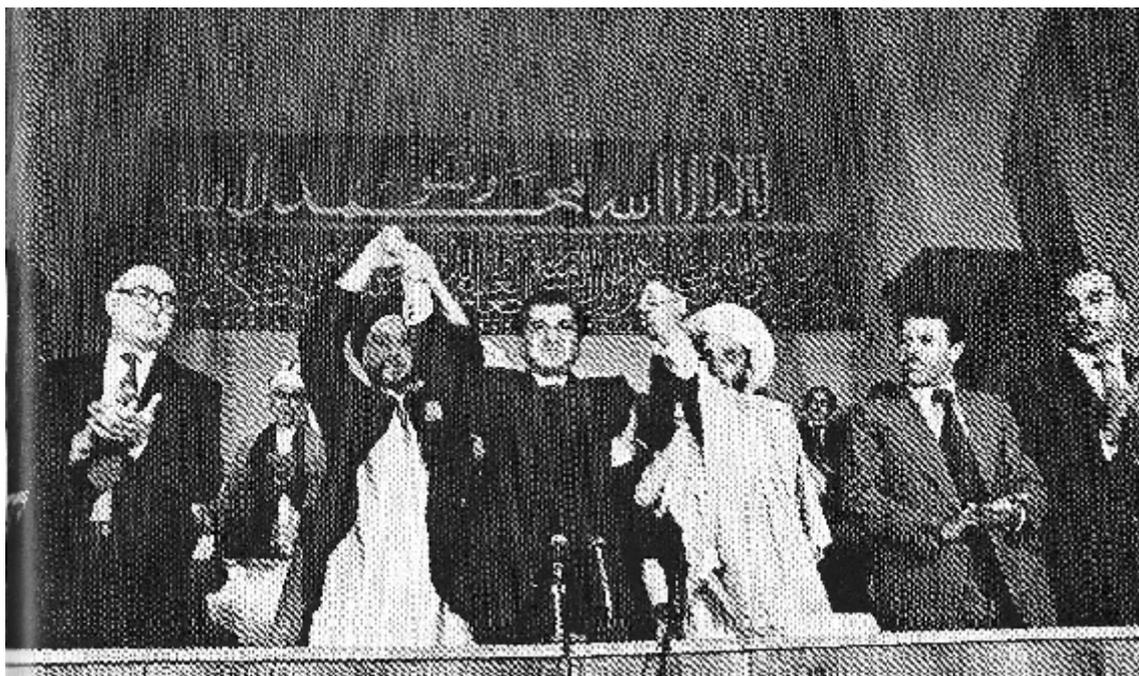
Октябрь. 1980 Встреча на аэродроме в Москве афганской партийно-правительственной делегации.

Слева направо (в первом ряду): Н.А.Тихонов, Л.И.Брежнев, Б.Кармаль и А.Ратевзад.

Во втором ряду: С.А.Кештманд, Ю.В.Андропов, С.М.Зерай.

Кабул. 1980 г. Выступление Б.Кармалья на конференции национальных патриотических сил.

Июль 1980 г. Кабул. Б.Кармаль в президиуме первой в истории Афганистана конференции улемов и духовенства.

Кабул. Празднование годовщины Апрельской революции.
Б. Кармаль обходит строй почетного караула.

Встреча Б.Кармалья с молодыми добровольцами, принимавшими участие в боях с вооруженной оппозицией.

Б.Кармаль и М.Барьялай (в центре) на выставке.

Кабул. 1983 г. Б.Кармаль беседует с рабочими авторемонтного завода «Джангалак».

Дворец «Гольхана». 29 марта 1986 г. Встреча автора с Б.Кармалем.
Слева направо: второй – М.Ф.Слинкин, третий – Б.Кармаль, пятый – М.А.Фарзам,
остальные – офицеры КГБ СССР.

МУХАММАД НАДЖИБУЛЛА

М.Наджибулла вошел в афганскую историю последних десятилетий XX в. как один из самых заметных партийно-государственных деятелей. С его именем связан период упорных усилий кабульского леводемократического режима по поиску компромиссов с вооруженной антиправительственной оппозицией с целью установления мира и согласия на истерзанной многолетней гражданской войной земле Афганистана. Судьба его оказалась весьма трагической. И чем дальше в прошлое уходит то страшное время, тем все ярче, несмотря на все потуги его недругов очернить его имя, предстаёт в памяти народной этот незаурядный государственный деятель, истинный патриот своей родины и мужественный по натуре человек, тем привлекательнее и более справедливым, по сравнению со всеми последующими правившими в стране режимами, выступает в общественном сознании та государственная система, которую он олицетворял и пытался строить.

Наджибулла родился 6 августа 1947 года в Кабуле в семье состоятельного государственного служащего, известного авторитета среди некоторых пуштунских племен Ахтара Мухаммада. По национальности - пуштун-гильзай из клана ахмадзай племени сулейманхейль. Его семейные родовые корни находятся в провинции Пактия. До 1987 года он был более известен по партийной кличке Наджиб.

После окончания в 1964 году лица «Хабибия» поступил на медицинский факультет Кабульского университета. В 1965 году вступил в НДПА. Входил в руководящее ядро действовавшей в университете подпольной партийной организации НДПА. С августа 1971 года являлся членом руководящих органов легальной Ассоциации студентов Кабульского университета. Будучи студентом, принимал активное участие в массовых антиправительственных выступлениях столичной молодежи. Печатался в газете «Парчам» (1968-1970 гг.). При монархическом режиме дважды подвергался тюремному заключению. На судебном процессе в 1969 году он обвинялся в «участии в противозаконных забастовках и демонстрациях», «нарушении общественной безопасности и нагнетании напряженности», «провоцировании беспорядков и столкновений с полицией», а также в «создании условий для призыва народа к восстанию». На этом процессе он выступил с блестящей защитительной речью, чем завоевал симпатии среди радикально настроенной афганской молодежи. Второй раз был арестован в январе 1970 года за участие в антиамериканской демонстрации, состоявшейся в Кабуле в связи с визитом в страну вице-президента США С.Агню. Наджибулле было предъявлено обвинение в оскорблении США и американского флага, в действиях, «противоречащих политике нейтралитета Афганистана».

У Наджибуллы был свой путь в революцию. По его собственному признанию, он вступил в ряды демократического движения не ради карьеры и славы, а по глубокому убеждению принести добро своему народу, избавить его от нищеты, несчастий и многочисленных несправедливостей жизни и быта. Это свое убеждение он с юношеским пылом отстаивал перед судьями, когда в 1969 году оказался на скамье подсудимых вместе с Абдул Вакилем и Мухаммадом Исмаилом Махшуром за участие в студенческих волнениях. «На борьбу нас подвигли,- говорил он тогда, - не какие-то выгоды и личная корысть, а страдания и нищета подавляющего большинства народных масс страны и осознание причин и корней всего этого, безработица и безысходность сотен тысяч наших сограждан, нещадная эксплуатация тысяч и тысяч людей труда, угнетение миллионов человек в нашей стране и многое другое».

В 1975 году он окончил Кабульский университет и, получив диплом врача-гинеколога, некоторое время работал в лечебных учреждениях столицы. В конце указанного года по решению ЦК НДПА (Парчам) возглавил кабульскую провинциальную комиссию партии по созданию в столице и провинции организационных структур (ячеек и комитетов) Демократической организации молодежи Афганистана. В июле 1977 года на объединительной конференции партии был избран членом ЦК НДПА.

После победы апрельского вооруженного восстания 1978 года был введен в состав Революционного совета ДРА и в течение двух месяцев (до 28 июня) являлся секретарем Кабульского горкома НДПА, а затем направлен послом ДРА в Тегеран. 27 ноября этого же года, в соответствии с решением пленума ЦК НДПА, был исключен из рядов партии и снят со всех государственных постов по обвинению в «активном участии в преступном антипартийном,

антигосударственном и контрреволюционном заговоре». До декабря 1979 года проживал в Югославии на положении политического эмигранта.

Со сменой руководства страны в конце декабря 1979 года возглавил службу государственной безопасности - ХАД (Служба государственной информации). На этом посту он показал незаурядные организаторские способности и решительность в борьбе против террористических и диверсионных акций вооруженной антиправительственной оппозиции. За заслуги перед государством был удостоен многих высших правительственных наград. Ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. Вместе с тем почти шестилетнее руководство карательно-сыскным государственным органом не только не прибавило авторитета Наджибулле в глазах широкой афганской общественности, но, наоборот, существенно подорвало его из-за непосредственной причастности к расправам над политической и военной оппозицией режиму. Следует отметить, что и сами органы государственной безопасности, как бы они ни назывались, никогда в Афганистане не вызывали особых симпатий среди населения.

Возглавляя службу безопасности Афганистана, Наджибулла, даже при предвзятом подходе к его деятельности на этом посту, никогда не прибегал к актам массового террора и зверствам в отношении воинственных противников режима, хотя твердо и последовательно боролся с ними. Вместе с тем он во избежание неоправданных жертв и во имя быстрейшего прекращения гражданской войны в Афганистане широко использовал свои возможности руководителя ХАДа для установления контактов с лидерами вооруженной оппозиции, деятелями политической эмиграции, окружением экс-короля Захир-шаха и афганской деловой диаспорой за рубежом. По некоторым данным, служба безопасности, руководимая Наджибуллой, поддерживала контакты чуть ли не с половиной афганских полевых командиров.

В июне 1981 года, он по образу и подобию принятой в СССР структуры партийно-государственного руководства, был введен в члены политбюро ЦК НДПА. Все годы пребывания на посту руководителя ХАДа он, кроме своих прямых обязанностей, по решению высшего партийного органа курировал связи с подпольными левыми и другими дружественными Кабулу политическими партиями и организациями региона. Надо подчеркнуть, что Наджибулла был лично знаком со многими видными общественными и политическими деятелями соседних стран, особенно Пакистана и Ирана. Среди них можно назвать знаменитого лидера «краенорубашечников» Абдул Гаффар-хана, главу Народной национальной партии Пакистана Абдул Вали-хана, генерального секретаря Коммунистической партии Пакистана Назиша, генерального секретаря Народной партии Ирана (Туде) Н.Киянури, а после его гибели А.Хавари, генерального секретаря Организации федаев иранского народа (большинство) Ф.Негахдара, многих племенных вождей Пуштунистана и пакистанского Белуджистана.

В середине 1980-х гг. мне вместе с Наджибуллой и М.Барьялаем привелось встретиться и иметь продолжительную беседу с Назишем, проживавшим в то время в Кабуле на положении политического эмигранта. С ним обсуждались состояние и перспективы межпартийных связей НДПА и КПП. Замечу, Наджибулла в ходе данной беседы, которая велась в основном на английском языке, продемонстрировал глубокое и всестороннее знание внутривнутриполитической ситуации в Пакистане и конкретно в районах Пуштунистана.

По завершении деловой части беседы Назиш пригласил гостей на дружеский ужин. Этот довольно пожилой человек оказался весьма хлебосольным хозяином. Он немало удивил нас обилием на столе разнообразных восточных блюд и особенно экзотических фруктов своей страны, вроде манго и гуава. Когда подошла очередь десерта, Наджибулла, увидев на столе манго, не удержался рассказать известный в Афганистане анекдот о том, как один из принцев королевской семьи пытался во время трапезы выдавить из плода манго его косточку, с палец длиной и толщиной. К конфузу принца она под давлением его руки неожиданно вылетела наружу и угодила в лоб монарху. Назиш, посмеявшись, заметил:

– У нас, в Пакистане, такой случай исключен. Мы едим данный фрукт следующим образом: разрезаем ножом посередине мякоть плода до косточки, поворачиваем две его половинки в разные стороны, снимаем одну из них, удаляем тремя пальцами косточку из другой половинки и едим чайной ложечкой подобно яйцу всмятку.

Выслушав это, мы согласно последовали совету хозяина.

... В августе 1981 г. Наджибулла был введен в Совет обороны, в котором возглавил комиссию по связям с племенами. В ноябре 1985 года, когда в руководстве НДПА был взят курс на активное расширение социальной базы власти, он освобождается от поста главы ХАДа и назначается секретарем ЦК НДПА и ему, кроме решения других задач, поручается работа с пуштунскими племенами, от отношения которых к центральной власти всегда в Афганистане зависела внутривластная стабильность, безопасность и прочность режима.

Будучи креатурой всесильного советского КГБ, он в начале мая 1986 года на 18-м пленуме ЦК НДПА избирается генеральным секретарем ЦК партии вместо ставшего негодным в Москве Б.Кармаля. Приход Наджибуллы к руководству партией и страной привел к заметному ослаблению кабульского режима. Свою роль сыграли, при прочих внутренних и внешних дестабилизирующих факторах, и его личные качества: молодость, низкий авторитет в обществе, племенная принадлежность к гильзаям (учитывая извечную неприязнь и вражду между гильзаями и дуррани), фактическое отсутствие необходимого опыта партийной и хозяйственной деятельности, отказ в поддержке со стороны значительной части его бывших соратников-парчамистов, расценивших занятие им поста лидера партии как предательство их признанного авторитета - Б.Кармаля, неприятие его (Наджибуллы) в качестве партийного и государственного руководителя со стороны второй партийной фракции - халькистов и т.п. Не увенчались успехом упорные попытки Наджибуллы привлечь на свою сторону видных халькистов-выходцев из Партии и обрести в их лице опору в партийных и военных кругах страны.

Заняв пост главы государства и партии, Наджибулла возложил на свои плечи огромный груз ответственности за судьбу Афганистана и его народа. Он внес существенный личный вклад в осуществление оказавшейся, к сожалению, тщетной политики национального примирения. Однако, следует подчеркнуть, ни он сам, ни кто-либо другой из афганских руководителей не являлись ее авторами или, как повелось по политическим соображениям и по инерции писать в советской и постсоветской прессе, «ее главным творцом». Идея и содержание данной политики всецело принадлежали московским разработчикам и были санкционированы высшими инстанциями Кремля. Афганской стороне лишь оставалось быть не более чем ее простым исполнителем.

Наджибулла уже с первых дней работы на высшем партийном посту, как и его предшественник, начал испытывать на себе весь бесцеремонный диктат Табеева. Наконец-то, и в Москве стали приходиться к осознанию пагубности стиля деятельности своего полномочного представителя в Кабуле. Горбачев, выступая 29 мая 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС, вынужден был признать:

– Как мы ведем себя (в Афганистане. - М.С.)? Посол Табеев в открытую говорит Наджибу: «Это я сделал тебя генеральным секретарем НДПА». Пора отозвать его, а то он ведет себя как генерал-губернатор. Настало время менять его вместе с изменением политики.

Осудив этого зарвавшегося партийно-номенклатурного деятеля, Горбачев, однако, тут же не удержался от дифирамбов в его адрес, назвав его «серьезной, важной персоной». Непостижимо с точки зрения здравого смысла, но факт, что полгода спустя упомянутая «персона», несмотря на сыгранную им в целом негативную роль в афганских делах, снова оказалась «на плаву» и была введена в группу Политбюро ЦК КПСС по Афганистану во главе с Шеварднадзе.

К сожалению, с отставкой Табеева коренных изменений в стиле и характере деятельности советского советнического аппарата на всех уровнях и во всех ведомствах страны не произошло. Горбачев снова на заседании Политбюро ЦК КПСС, состоявшемся 13 ноября 1986 г., констатировал:

– Мы заменили Табеева для того, чтобы дать им (афганцам. - М.С.) понять, что мы нацелены на афганскую независимость. Но что же получается? Мы опять делаем все сами. Наши люди способны только на это. Они связывают Наджибула по рукам и ногам.

Такого рода, верные в своей основе, констатации и призывы советского лидера не были реализованы и в будущем, вплоть до конца советского присутствия в Афганистане. Афганцы по-прежнему оставались отстраненными от непосредственного управления своей страной. К примеру, о несамостоятельности Наджибула как государственного деятеля в апреле 1988 г. (т.е. за месяц до начала вывода советских войск из Афганистана) писали, правда, в завуалированной форме халькисты - члены ЦК НДПА в закрытом письме в адрес ЦК КПСС. «Тов. Над-

жиб, - говорилось в нем, - должен решать все жизненно важные общественно-политические задачи страны в тесном взаимодействии с руководящим составом партии... В то же время партийная власть не должна концентрироваться в руках группы лиц, не входящих в руководство (здесь явно имелась в виду группа советских партийных советников при ЦК НДПА во главе с В.П.Поляничко. - М.С.)».

1 октября 1987 г. Наджибулла стал председателем Революционного совета ДРА - высшего органа государственной власти, а 30 ноября, в соответствии с новой конституцией, избран Лоя джиргой президентом страны.

После вывода советских войск из Афганистана президент Наджибулла сумел мобилизовать имевшиеся в его распоряжении военные, материальные и людские ресурсы и дать достойный отпор массированному наступлению вооруженной оппозиции, предпринятому при поддержке и с благословения правящих кругов Пакистана, США, Саудовской Аравии и некоторых других стран для свержения «кабульского коммунистического режима». Параллельно с использованием силы Наджибулла выступил с серией инициатив по мирному разрешению афганского кризиса. Он, пойдя на значительные уступки, поддержал план ООН по умиротворению страны. Однако его чрезмерная политическая уступчивость перед несговорчивой вооруженной оппозицией в конце концов переросла в безоговорочную капитуляцию и демонтаж шаг за шагом всего того, что было связано с НДПА и что обеспечивало определенный баланс сил двух основных противоборствующих лагерей в Афганистане. Такого рода политика сдачи одной позиции за другой не была понята и принята значительной частью высшего партийного и государственного руководства, в частности членами политбюро ЦК НДПА Фаридом Ахмадом Маздаком, Наджмудином Кавьяни, Абдул Вакилем, видными деятелями из крыла Хальк.

В марте 1990 года против Наджибуллы был поднят мятеж, возглавленный халькистом, министром обороны Ш.Н.Танаем. Хотя президенту и удалось довольно-таки легко подавить выступление мятежников, однако с этого времени из его рук неумолимо стал уходить контроль над ситуацией на подвластной Кабулу территории. Ему не помогли ни его торопливые отрешивания от прошлого НДПА и, как он выражался, «навязанных ей чуждых теорий», ни категорическое осуждение им ввода советских войск в страну, ни реформирование правящей партии и создание в июне 1990 года вместо марксистски идеологизированной НДПА национально-патриотически и религиозно ориентированной Партии Отечества, председателем которой он был избран.

Кризис режима Наджибуллы достиг своего апогея весной 1992 года, когда российское ельцинское руководство отказало ему в поставках, наряду с оружием, и продовольствия и Кабул оказался на грани массового голода и когда в непосредственном окружении президента разногласия начали разрешаться с помощью пистолета. Их жертвой явился один из самых преданных Наджибулле людей министр государственной безопасности Гулям Фарук Якуби. Из подчинения президента вышел обширный север страны, где образовалась антинаджибовская автономия во главе с генералом А.Р.Дустомом. Утратив власть, Наджибулла попытался бежать из страны на зафрактованном ООН самолете, но был задержан узбекскими ополченцами А.Р.Дустама. Через несколько дней в столицу вошли моджахеды и провозгласили Исламское Государство Афганистан. Экс-президент Наджибулла, воспользовавшись неприкосновенностью учреждений ООН, укрылся (как оказалось позднее - на годы) в здании миссии ООН в Кабуле. Вместе с ним остались его брат, генерал Ахмадзай, начальник канцелярии президента Тухи и начальник личной охраны Джафсар. Несколько лет спустя Тухи и Джафсар с согласия Наджибуллы покинули его и выехали в Индию.

27 сентября 1996 года талибы после захвата столицы, нарушив неприкосновенность представительства ООН, схватили Наджибуллу вместе с его братом Ахмадзаем, жестоко избили и повесили обоих перед въездом в бывший королевский дворец, где Наджибулла в течение шести лет (1986-1992 гг.) исполнял обязанности главы государства.

Последние трагические часы и минуты жизни Наджибуллы ярко высветили блестящие незаурядные черты его натуры. Оказавшись в руках озверевших от крови талибов и их покровителей - пакистанских спецслужб, он проявил во всей полноте присущие ему твердость воли и духа, величайшие мужество и самоотверженность. Он не выбросил белый флаг перед его

противниками, чтобы сохранить себе жизнь в обмен на предательство. К этому его намеревались склонить прибывшие в афганскую столицу с тайной миссией бывший глава Главного штаба сухопутных сил Пакистана и один из руководящих деятелей пакистанской военной разведки, генерал Аслам Бек и его брат, тоже кадровый разведчик. Они предложили Наджибулле подписать договор, исполненный на фирменном президентском бланке и датированный периодом пребывания Наджибуллы у власти в качестве президента страны, в котором он (Наджибулла) признавал «линию Дюранда» государственной границей между Афганистаном и Пакистаном. Замысел был чудовищным: убив Наджибуллу, сделать его на веки вечные предателем пуштунов, поскольку (и это следует еще раз подчеркнуть) в сознании последних вопрос о непризнании «линии Дюранда» границей между двумя соседними государствами всегда после 1893 года был и остается мерилом подлинного патриотизма и показателем приверженности идее пуштунизма.

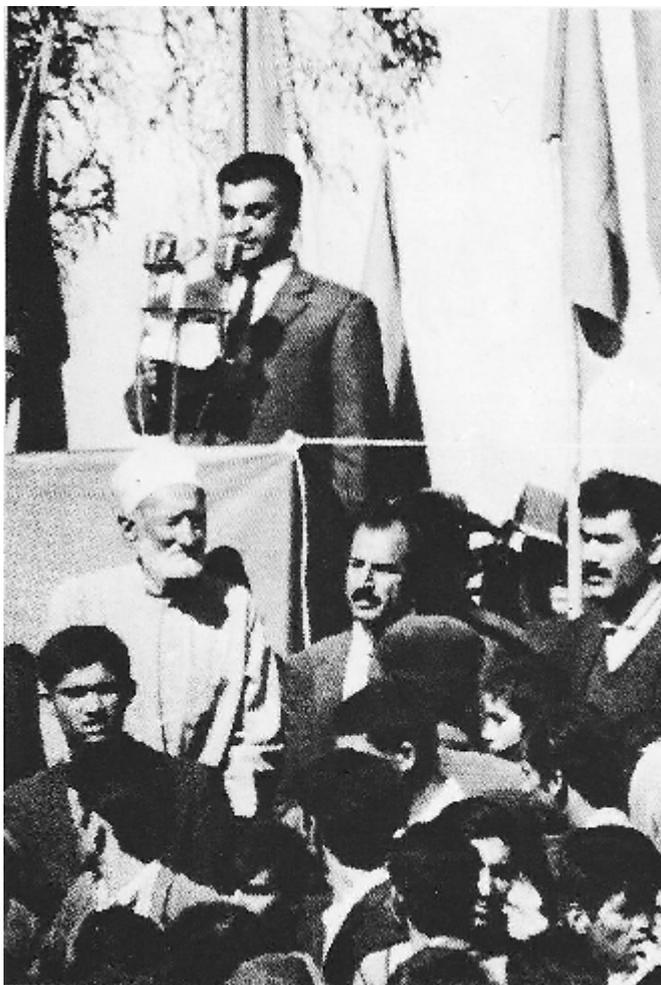
Разумеется, Наджибулла, как истинный патриот своей родины и пуштун по национальной принадлежности, не мог пойти на такой шаг. «В самый страшный свой час, - писал о нем известный российский ученый-востоковед, большой знаток Афганистана В.Н.Пластун, - он нашел силы не предать ни Афганистан, ни свой народ, ни себя. Пустив в ход свою недюжинную силу, благодаря которой за ним еще с юности закрепилась кличка «Бык», он сумел разметать охрану, отнять у одного из офицеров пистолет и убить (либо тяжело ранить) брата Аслам Бека. Последующее было кошмаром. Он перенес страшные пытки, но сломлен не был. Жуткая казнь, потрясая даже его врагов, возмутившая всех афганцев, по какую бы сторону баррикад они ни были, подвела черту под его жизнью, под дьявольским планом Исламабада и, по большому счету, под политическим курсом Пакистана к северу от «линии Дюранда».

Наджибулла, безусловно, был умным, хитрым, сильным, а порой и весьма жестким политиком. Его отличали цельность натуры, глубокая убежденность в правильности избранного им жизненного и политического пути, приверженность национальным традициям и исламским ценностям, стремление всегда и во всем быть с народом, а не над ним. Глубоко и всесторонне зная свою страну и ее специфику, он умел трезво и во многом прозорливо оценивать сложную военную и политическую обстановку внутри и вокруг Афганистана и принимать взвешенные решения. Он был человеком большой культуры и прекрасным оратором. Ему были присущи уважительное отношение к подчиненным, доступность, умение слушать и понимать собеседника, подчеркнутая восточная вежливость, тактичность и предупредительность, простота в общении с окружающими, личное мужество и готовность пойти на самопожертвование во имя своих идеалов. Вместе с тем ему были свойственны излишняя эмоциональность и горячность в суждениях и поступках и, как политическому деятелю, определенная склонность к интриганству.

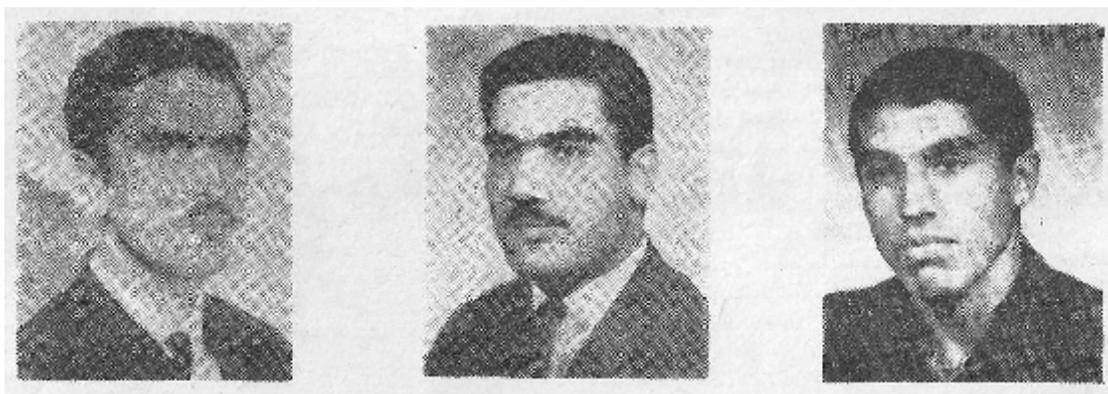
Наджибулле нельзя отказать в искренности дум и намерений принести мир и безопасность на афганскую землю. Однако его стратегические расчеты умиротворить страну за счет принесения в жертву НДПА и политической системы, стержнем которой она являлась, оказались порочными и заведомо не дальновидными. Устранение из миротворческого процесса НДПА, как влиятельной политической силы, которая могла бы стать реальным противовесом оголтелому религиозному экстремизму, направило развитие событий в Афганистане по наиболее трагическому, сомалийскому, варианту. Страна была ввергнута в кровавую бойню, несравненно более жестокую, чем это было прежде. Прямую ответственность за это несут действующие за власть в стране различные, поддерживаемые извне группировки моджахедов и их зарубежные покровители. Но определенная доля исторической вины за продолжение трагедии афганского народа лежит и на Наджибулле, упустившему из рук один из возможных шансов к подлинному миру. Личная трагедия Наджибуллы, как политического деятеля, заключалась в том, что он был подло и многократно предан своими бывшими внутренними и внешними друзьями.

Наджибулла, кроме родного пушту и дари, владел английским языком. Был женат и имел трех дочерей. Жена Фаттана Гилани связана родственными узами с династией, правившей в Афганистане в первые три десятилетия XX в. С 1992 года она и ее дочери проживают в индийской столице.

© Фото из архива автора, газеты «Парчам», Насруллы Садики, книги «Речи и выступления товарища Наджибуллы» (на языке дари) и альбомов «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways», «Afghanistan. The Revolution Continues».

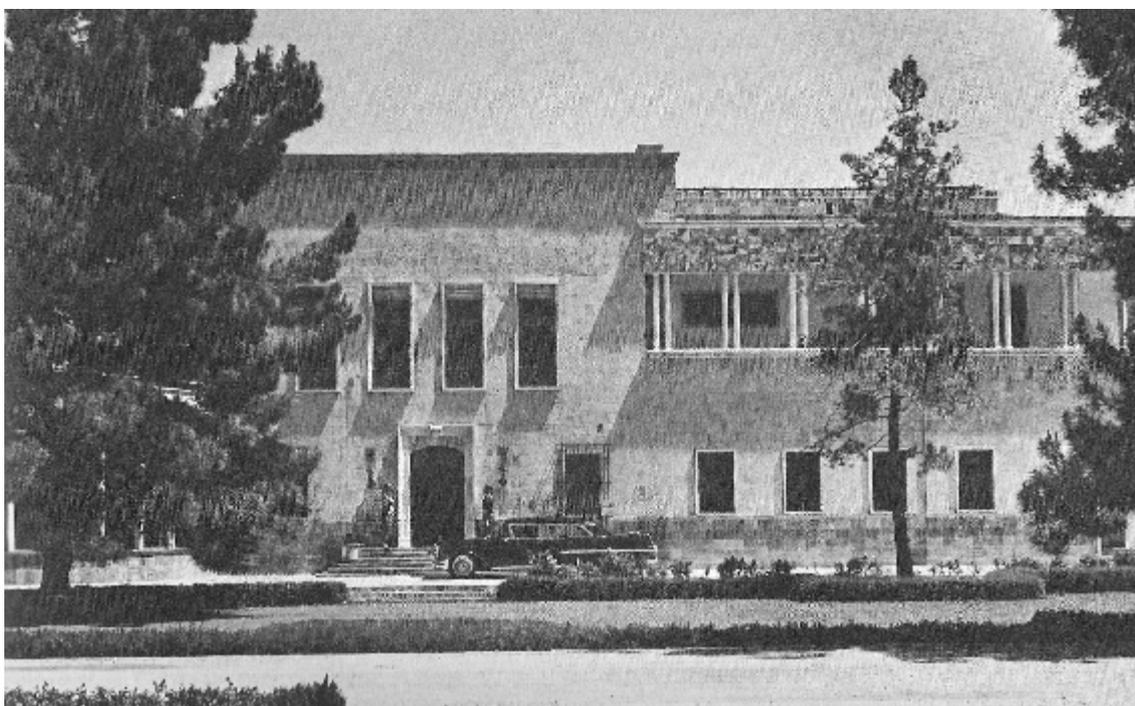
1969 г. Выступление Б.Кармаля на массовом митинге. Справа (ниже) – Наджиб.

Газета «Парчам» в номерах за 13 и 20 октября 1969 г. напечатала фотографии и защитительные речи подсудимых (справа налево) Абдул Вакиля, Наджиба и Мухаммада Исмаила Махшура, обвинявшихся в участии в антиправительственных студенческих демонстрациях.

Сентябрь 1969 г. Наджиб (второй слева) среди заключенных и охраны в камере тюрьмы кабульского провинциального полицейского управления. Четвертый справа – Мухаммад Исмаил Махшур.

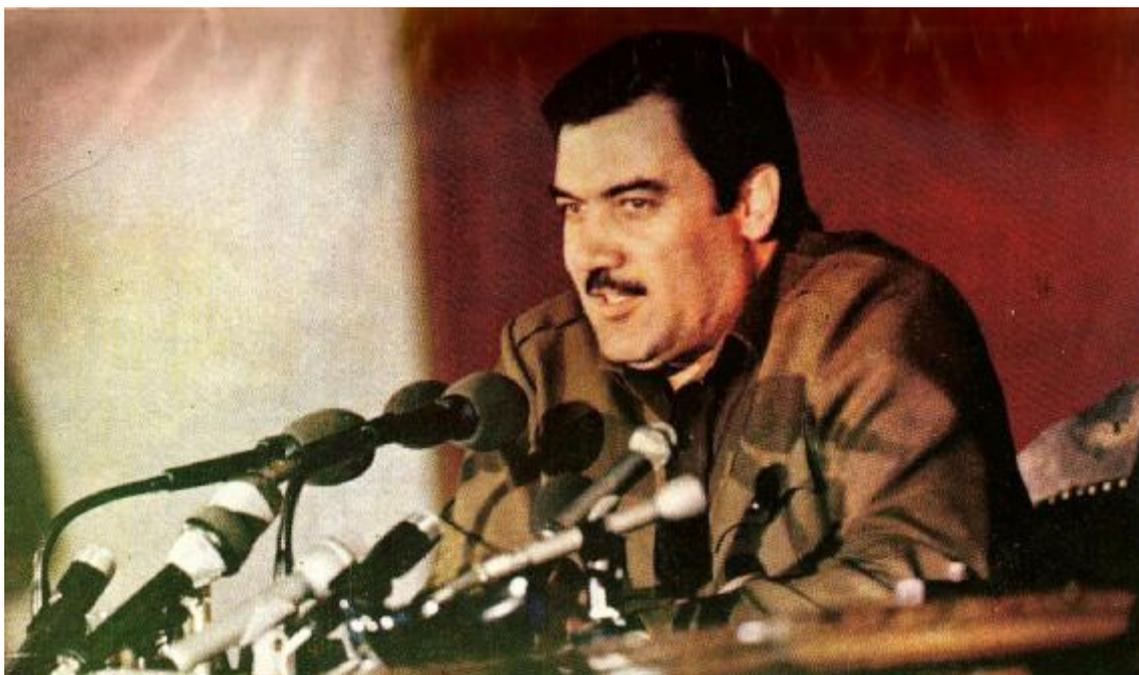
Дворец «Гольхана», где с 1986 по 1992 г. была официальная резиденция главы афганского государства Наджибуллы.

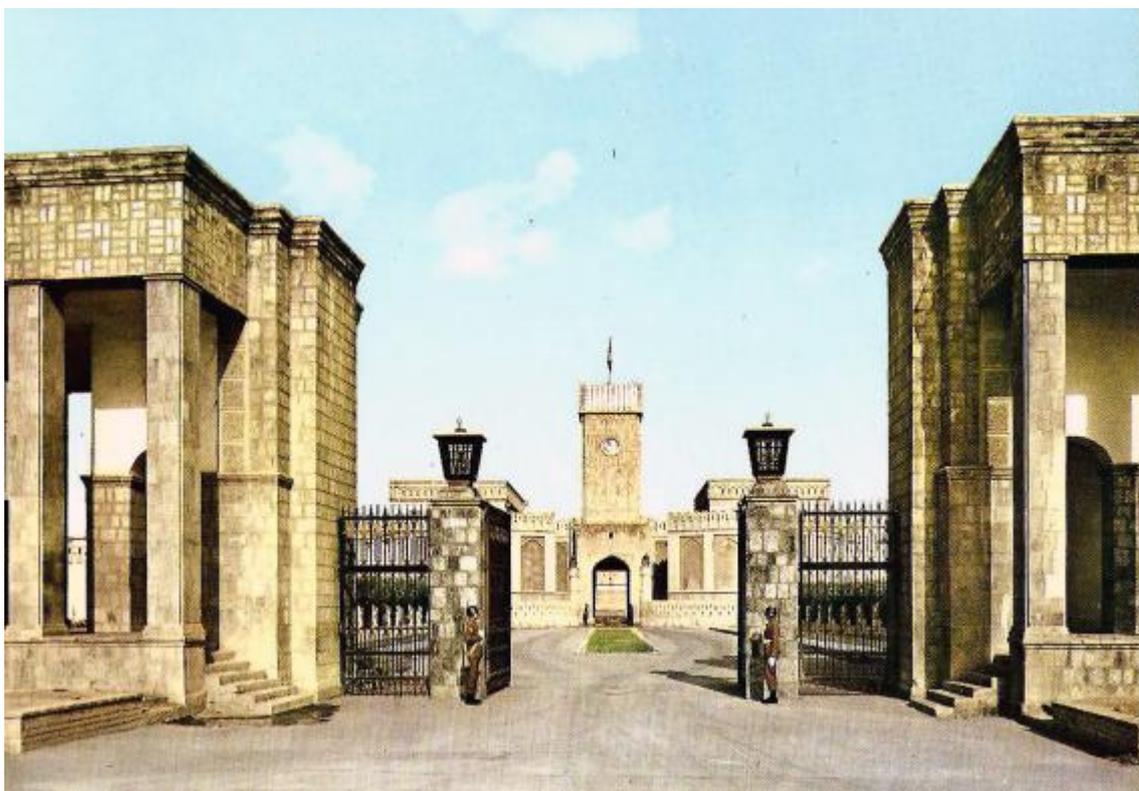
Март 1986 г. Прием Наджибуллой советских советников.
Слева направо: Н.Т.Коняев, Г.Н.Галкина, Наджибулла, М.Ф.Слинкин, И.Г.Майдан,
переводчик В.Х.Парсаданян, Н.Кавьяни.

Июль 1988 г. Дворец «Гольхана». Прием президентом Республики Афганистан Наджибуллой
советских советников в связи с их отъездом на родину.
Слева направо: Наджибулла и М.Ф.Слинкин.

1989 г. Выступление президента Республики Афганистан Наджибуллы перед местными и иностранными журналистами.

Кабул. Президентский дворец (парадный въезд).

МАХМУД БАРЬЯЛАЙ

Махмуд Барьялай - один из весьма заметных политических и государственных деятелей Афганистана последних десятилетий XX в. Родился в Кабуле в 1944 году в семье пуштуна, генерал-полковника афганской королевской армии Мухаммада Хуссейн-хана. Мать была таджичкой. Как и его брат Б.Кармаль, считает себя пуштуном. В 1962 г. окончил престижный кабульский лицей «Хабибия» и поступил на экономический факультет Кабульского университета. В годы учебы в университете принимал активное участие в антиправительственных выступлениях столичной учащейся и студенческой молодежи. 1 января 1965 г. входил в группу охраны места проведения I Учредительного съезда Народно-демократической партии Афганистана. После окончания университета в 1966 г. работал в министерстве планирования. В 1968-1970-х годах входил в авторский актив леводемократической газеты «Парчам». В январе 1970 г. был арестован и подвергнут тюремному заключению за участие во многотысячной антиамериканской демонстрации, состоявшейся в Кабуле в связи с приездом в страну вице-президента США С.Агню. С 1972 г. учился в Московском государственном университете. Получив диплом магистра по специальности «политическая экономия», он возвращается на родину и сразу с головой уходит в партийную работу, начало которой, как отмечено в его официальной анкете, было положено им еще «до созыва I Учредительного съезда НДПА».

В 1975 г. был избран кандидатом в члены ЦК НДПА (Парчам), а в 1977 г. на Объединительной партийной конференции - членом ЦК партии.

С победой апрельского вооруженного восстания 1978 г. он назначается членом Революционного совета Демократической Республики Афганистан. Ровно через два месяца (27 июня), в условиях обострения межфракционной борьбы в руководстве страны и партии он был отправлен послом в Пакистан, став таким образом первой жертвой за свое родство с Б.Кармалем и принадлежность к парчамистскому крылу. В последующем в дворцовых интригах прием «бить сначала по М.Барьялаю, прежде чем ударить по Б.Кармалу» приобрел некую норму. В этом, кроме халькистской оппозиции, особенно преуспевали высокопоставленные лица из афганской службы безопасности (ХАД), их наставники из представительства КГБ в Кабуле и советские мидовские работники во главе с послом Ф.А.Табеевым.

1 октября 1978 г. М.Барьялай официально смещается с поста посла в связи с обвинениями к причастности к «преступному контрреволюционному, антиправительственному и антипартийному заговору». На пленуме ЦК НДПА, состоявшемся в Кабуле 27 ноября 1978 г. он был исключен из партии. До конца декабря 1979 г. вместе с семьей и некоторыми другими парчамистскими деятелями (А.Ратебзад, Н.Ахмад Нуром, А.Вакилем, Наджибуллою) проживал в Югославии на положении политического эмигранта.

В январе 1980 г., после свержения режима Х.Амина, М.Барьялай вошел в члены ЦК НДПА и Революционного совета ДРА и занял пост главного редактора правительственного (затем партийного) печатного органа - газеты «Хакикат-е энкелаб-е саур» (на этом посту он оставался до середины 1982 г.) и заведующего Международным отделом ЦК НДПА. На VI пленуме ЦК (11 июня 1981 г.) был избран секретарем и кандидатом в члены Политбюро ЦК партии. Многие годы возглавлял афганскую Ассоциацию выпускников советских вузов.

На всех этих постах ярко проявились его незаурядные способности и присущие ему благородные человеческие качества, в чем мне, его советнику по международным вопросам, приходилось не раз убеждаться в процессе многолетней (с 1982 по 1986 г.) совместной работы и при последующих встречах и беседах, когда он, пройдя с достоинством и стойкостью периоды опалы и тюремного заключения, снова был возвращен на государственную службу. В целом его отличают большая требовательность к себе и подчиненным, профессионализм, деловитость, организаторский талант, высокая культура и всесторонняя образованность. Владеет языками дари, пушту, английским и русским. По характеру он - человек общительный, скромный и честный и вместе с тем душевно легко ранимый. При всех обстоятельствах и личных невзгодах он оставался истинным патриотом своей родины, искренним другом Советского Союза и ни в коей мере не «западником», как его облыжно в прежние года пытались характеризовать аккредитованные в Кабуле ответственные лица из КГБ и МИДа СССР.

Особое усердие в наклеивании на Барьялая упомянутого ярлыка проявляли сотрудники представительства КГБ в Кабуле и его резидент. Как-то в беседе со мной последний без обиняков и с апломбом, свойственным, как правило, работникам данной спецслужбы, изрек:

– Твой подсоветный, Барьялай, - прозападный деятель.

Довольно хорошо зная международно-политическую ориентацию Барьялая и уловив, что в этом выпаде затрагивается и моя репутация, пришлось принять этот вызывающий тон и ответить своему собеседнику в том же духе:

– Он, по моему глубокому убеждению, если придерживаться вашей логики, такой же «прозападный», как и ваш протеже Наджиб.

В данном щекотливом вопросе, пожалуй, самое поразительное состояло в том, что указанная спецслужба (и в Кабуле, и в Москве) одновременно с обвинением Барьялая в прозападных взглядах активно вовлекала его в связи по своим тайным каналам с влиятельными кругами западной социал-демократии, в частности Европы, широко используя при этом и его имя, и его должностное положение, как секретаря ЦК НДПА и заведующего Международным отделом ЦК партии.

Было совершенно очевидным, что спецслужбы КГБ, вовлекая Барьялая в свои «игры», хотели они этого или не хотели, создавали весьма опасный прецедент для компрометации данного видного политического деятеля и к тому еще и брата главы афганского государства. Не вдаваясь в подробности, замечу, что вопрос о недопустимости втягивания Барьялая в тайные операции КГБ стал со временем предметом обсуждения на самом высоком уровне в Москве. В конце концов, здравый смысл победил: указанием Старой площади советским спецслужбам было запрещено использовать его имя и положение в их интересах.

Освободившись от нежелательных «объятий» КГБ, Барьялай, однако, не избавился от многочисленных наветов и интриг, исходивших как от представителей этого ведомства в Кабуле, так и от недругов в его собственном стане. И все же для него, по моему мнению, самые большие неприятности, порой сопровождавшиеся откровенной грубостью, исходили от сопосла Табеева, который, как казалось, не упускал случая, чтобы «поставить на место» неугодного ему Барьялая.

Вопиющий случай подобного рода произошел в декабре 1984 г, во время проведения в Кабуле (в отеле «Интерконтиненталь») Международной конференции Организации солидарности народов Азии и Африки «За новый международный информационный порядок». Конференция была весьма представительной: на ней присутствовали делегации из 37 стран и четырех международных неправительственных организаций. Отмечу, что по сложившейся традиции всеми организационными вопросами на данном форуме, как, впрочем, и на других аналогичных международных мероприятиях, занимались сотрудники Международного отдела ЦК НДПА. Случилось так, что один из них, заметив, что работники афганской службы безопасности демонстративно обыскивают при входе в отель членов ЦК партии и ответственных правительственных чиновников, по-дружески посоветовал им (работникам ХАДа) делать это где-то рядом, в закрытом помещении, но не на глазах зарубежных делегатов конференции.

Совет без каких-либо возражений был принят. Но далее произошло самое непредвиденное. Хадовский генерал, отвечавший за вопросы безопасности на конференции, по-своему интерпретировал этот, в общем-то, ординарный случай и доложил своему шефу Наджибу о том, что-де Барьялай вмешивается в его дела по обеспечению безопасности на конференции. Вскоре эта нелепая выдумка докатилась и до Табеева, который, не разобравшись в сути дела, устроил по телефону разнос Барьялаю.

Ближе к середине дня я оказался в посольстве. Войдя в кабинет посла, чтобы проинформировать его о ходе конференции, я услышал с нервозностью высказанный им вопрос:

– Почему там твой Барьялай вмешивается в дела службы безопасности? Безобразие!

Мои пояснения по этому поводу не были восприняты послом: он по-прежнему придерживался доложенной ему ранее версии происшедшего в отеле.

После посольства я направился в ЦК НДПА, где встретился с Барьялаем. Уже с первого взгляда я был поражен его видом. Столь подавленного и растерянного мне никогда ранее не приходилось его видеть. Он беспрестанно курил одну сигарету за другой, голос его дрожал, руки тряслись.

- Что случилось, дорогой Махмуд? - с тревогой спросил я, предчувствуя что-то неладное.
- Знаешь, - ответил он заплетаящимся языком, - мне с утра позвонил ваш посол и обругал меня за то, что я якобы вмешиваюсь в дела службы безопасности. Я пытался ему объяснить, что ни сегодня и ни вчера я не был на конференции и не общался в эти дни ни с кем из ХАДа, однако он не стал меня слушать. Скажи, почему он кричит на меня? Что же мне делать? - при этих словах Барьялай дрожащей рукой достал пистолет из ящика стола, за которым сидел, и положил его перед собой. - Единственное, что мне остается, - застрелиться.

Пытаясь как-то вывести Барьялая из состояния шока и успокоить его, я одновременно понимал всю щекотливость своего положения. Рассказать ему правду о том, кто есть на самом деле посол, позволяющий себе беззастенчиво унижать достоинство высокого должностного лица другой страны, я не мог по этическим соображениям, ведь как-никак речь шла об авторитете полномочного представителя главы моего родного государства. Поэтому пришлось лукавить и сказать, что посол, видимо, погорячился, не разобравшись в сути вопроса, и пообещать Барьялаю снова поговорить с Табеевым по данному поводу. И, действительно, уже на следующий день такой разговор состоялся. Однако, к сожалению, последний продолжал упрямо стоять на своем и не помышлял об извинении перед оскорбленным им лицом.

Несмотря на все напасти и интриги, Барьялай самозабвенно отдавался работе. Выполняя множество возложенных на него обязанностей, он последовательно выступал за развитие Афганистана по демократическому пути. Умиротворение страны и в целом решение афганской проблемы он видел лишь на основе создания коалиционного правительства без какой-либо дискриминации всех завязанных в афганском кризисе политических сил и проведения всеобщих свободных выборов.

Некоторое время спустя после прихода к власти Наджибуллы Барьялай был смещен с поста заведующего Международным отделом ЦК НДПА, в июне 1987 г. на пленуме ЦК выведен из Политбюро, а 17 октября (накануне открытия Общенациональной конференции по национальному примирению) - и из состава членов ЦК партии. Его огульно обвинили во «фракционной деятельности» и в непринятии политики национального примирения. На самом деле Барьялай был не против этой политики, основы которой были заложены еще при Кармале в решениях ноябрьского (1985 г.) пленума ЦК НДПА и Революционного совета ДРА, а против методов ее осуществления. По его мнению, национальное примирение не могло быть достигнуто через дискредитацию партийных лидеров и раскол высшего руководства, через подрыв хрупкого единства партийных рядов и ослабление, в конечном итоге, НДПА. Согласно некоторым данным, при его активном участии делались попытки собрать и сплотить сторонников Кармаля под крышей нелегальной «Организации освобождения народов Афганистана», переименованной летом 1988 г. в «Партию освобождения трудящихся Афганистана».

Осенью 1988 г. Барьялай и многие другие его сторонники были арестованы и брошены в тюрьму. Предлогом к их аресту явились демонстрации, организованные им в поддержку Кармаля в преддверии очередного пленума ЦК НДПА. В первой половине следующего года он и его товарищи были выпущены на свободу. В июне 1989 г. он назначается первым заместителем премьер-министра страны и членом исполкома Совета министров Республики Афганистан. На этом посту он оставался до апреля 1992 г. Как мне рассказывал Барьялай, Наджибулла перед указанным назначением принес ему извинения за незаконный арест и тюремное заключение и в свое оправдание заявил, что репрессии были предприняты не по его (Наджибуллы) инициативе, а по требованию представителей КГБ в Кабуле.

В последней декаде мая 1990 г., накануне проведения II съезда НДПА, мне снова выпал счастливый случай побывать в Афганистане и пообщаться с Барьялаем. Правда, наши встречи и беседы были омрачены его личной трагедией: за несколько дней до моего приезда в Кабул его жена Джамия-Нахид получила тяжелые ранения от взрыва вражеской ракеты на территории Института общественных наук ЦК НДПА, где она преподавала. Ее срочно вывезли на лечение в Индию, благо в тот момент на Кабульском аэродроме находился индийский самолет. Врачи этой страны, проведя множество операций, спасли ей жизнь, однако оказались бессильными избавить ее от инвалидности.

Барьялай, в целом сильный по характеру человек, тяжело переживал данную трагедию. Я ощутил это сразу же, войдя в его рабочий кабинет, расположенный в здании премьер-министерства. В вышедшем мне навстречу обросшем бородой, осунувшемся человеке с трудом узнавался прежний Барьялай. Естественно, вначале наш разговор зашел о Джамиле, ее ранении и возникших тогда сложностях с ее отправкой на лечение за границу. При этом Барьялай не скрывал, что в связи со случившимся несчастьем он порой ради снятия стресса вынужден прибегать к употреблению спиртных напитков. Затем, перейдя к своим служебным делам как первого заместителя премьер-министра, он среди многих решаемых им проблем выделил социальную сферу и отметил с нескрываемым удовлетворением, что его аппарату удалось обеспечить, чего не было давно, стабильное снабжение населения страны топливом, продовольствием и товарами повседневного спроса и, более того, создать на несколько месяцев необходимые запасы. В условиях продолжавшейся гражданской войны и экономической разрухи это был несомненный успех, свидетельствующий о его (Барьялае) незаурядных организаторских способностях.

Его заслуги как государственного и политического деятеля были признаны на II съезде НДПА, состоявшемся в июне 1990 г. На нем он избирается членом Центрального совета и членом Исполнительного бюро Партии Отечества. В 1992 г. после прихода к власти моджахедов он некоторое время выполнял обязанности советника министра иностранных дел Исламского Государства Афганистан (ИГА) Сеида Сулеймана Гилани. Вскоре Барьялай вместе с семьей (женой, дочерью Марьям, сыном Романом и тещей А.Ратезад) эмигрировал в Индию и позже перебрался в ФРГ, где получил статус политического беженца.

В 2003 г. на конференции в Голландии, в работе которой приняли участие более 400 делегатов-бывших членов Партии Отечества, в том числе члены ее Исполнительного бюро М.Барьялай, Нур Ахмад Нур, Н.Кавьяни и другие, было декларировано создание политической организации под названием «Отечественное движение за мир и демократию» («Нахзат-е михан-е солх ва демокраси»). В 2006 г. оно в соответствии с 35-й статьей новой афганской конституции было официально зарегистрировано министерством юстиции ИГА в качестве легальной политической организации. После ее легализации у нас с Барьялаем состоялся телефонный разговор. Он сообщил мне, что имеет твердое намерение возвратиться на родину и продолжить в составе упомянутой организации политическую деятельность.

© Фото из архива автора и альбома «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways».

Секретарь ЦК НДПА, заведующий Международным отделом ЦК партии М.Барьялай и его советник М.Ф.Слинкин.

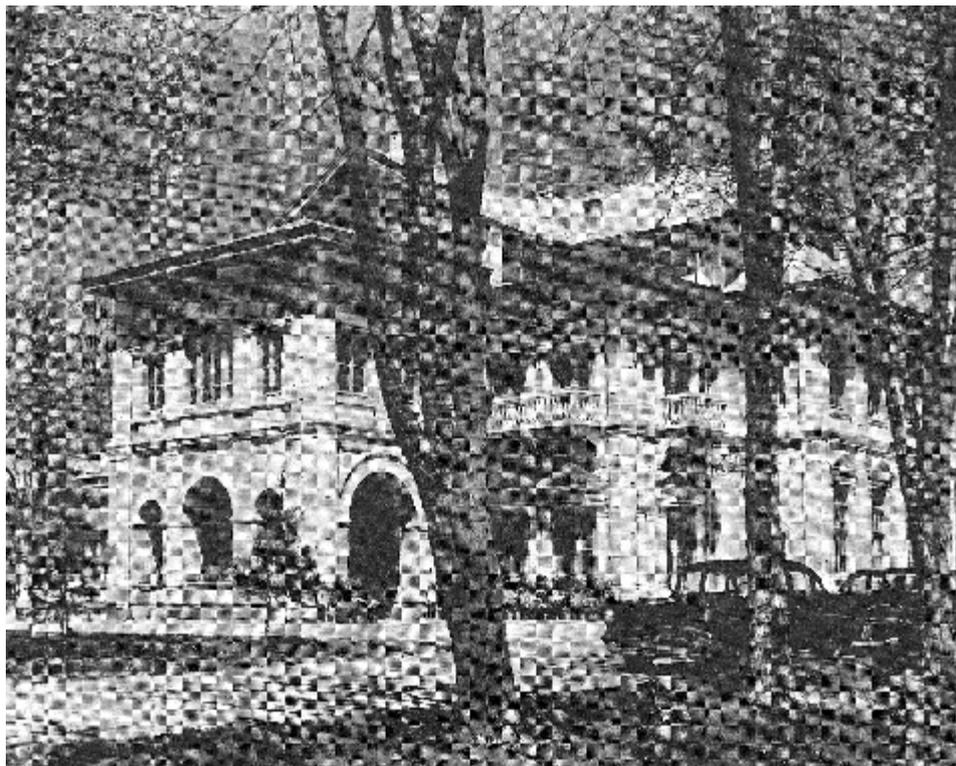
1985 г. Хайрабад (провинция Гильменд) М.Барьялай беседует с солдатами местного гарнизона.

Март 1986 г. Справа налево: заведующий Международным отделом ЦК НДПА М.Барьялай, М.Ф.Слинкин, заместители заведующего этим отделом А.Бассам и А.Кештманд.

**Март 1986 г. Сотрудники Международного отдела ЦК НДПА.
В первом ряду (слева направо): А.Бассам, М.Ф.Слинкин, М.Барьялай, А.Кештманд.**

Здание премьер-министерства Афганистана. В конце 80 – начале 90-х гг XX в. здесь находился рабочий кабинет первого заместителя премьер-министра Республики Афганистан М.Барьялая.

СУЛЕЙМАН ЛАЙЕК

Его полное имя - Гулям Моджаддед Сулейман Лайек. Внутри страны и за рубежом он стал более известным под именем Сулеймана Лайека. Родился 7 октября 1930 г. в Катавазе, городе Шаране (ныне административный центр провинции Пактика), в пуштунской семье маулави Абдула Гани, который в свое время приобрел широкую известность тем, что принимал активное участие в борьбе за независимость Афганистана против английских колонизаторов и являлся в Катавазе «халифой» (представителем) семьи духовных авторитетов Моджаддеди - руководителей довольно многочисленного в стране суфийского ордена накшбандийя. Отец С.Лайека происходил из гильзайского племени сулейманхель, а мать - из другого гильзайского племени хароти.

Первоначально Лайек получил домашнее образование, но позже, в 1941 г., в связи с переездом семьи в Кабул, а затем в Пули-Хумри (на севере Афганистана) поступил в 4-й класс престижного кабульского лицея Хабибия. По окончании лицея в 1947 г., по настоянию отца был зачислен в специальное духовное учебное заведение в г. Пагмане (западнее Кабула), известное под названием «Мадраса-йе улама-и шариа», откуда дважды временно исключался за «антирелигиозные высказывания». Окончив медресе, он в 1952-1954 гг. обучался на шариатском факультете Кабульского университета, откуда был изгнан за участие в студенческих выступлениях. Однако вскоре был восстановлен в рядах студентов, правда, на сей раз другого факультета - литературного, который и успешно закончил в 1967 г. С 1958 по 1 марта 1968 г. (до своего добровольного ухода в отставку с государственной службы) последовательно занимал различные посты в средствах массовой информации и государственных органах, как-то: сотрудника столичной газеты «Хивад», заместителя редактора Радио Афганистана, заместителя редактора журнала «Жвандун» («Жизнь»), заместителя редактора газеты «Радио», сотрудника министерства культуры.

С.Лайек, как поэт, пишущий на языках пушту и дари, получил широкое литературное признание во второй половине 50-х годов. В 1959 г. был удостоен государственной премии за стихотворение «Ушедшее детство». Уже в первых его стихах, наряду с проникновенной, душевной лирикой, звучат гражданские мотивы, сострадание к обездоленным, протест против несправедливостей существующего в стране общественного устройства и проклятье в адрес тех, кто превратил людей в рабов. В своем первом поэтическом сборнике «Песни Чунгара» (1962 г.) он с душевной болью восклицает:

Прозябают под снегом нивы,
И к труду душа не лежит,
И опять под пятой у сильных
Земледелец-бедняк дрожит.

Перевод А.Шараповой

Пафос борьбы за счастье и свободу своего народа стал особенно ощутим в поэзии Лайека во второй половине 60-х годов, когда он связал свою жизнь и деятельность с народно-демократическим движением. Именно в это время в стихотворении «О люди, люди!» он, обращаясь к своим соотечественникам, которые в подавляющем большинстве, прежде всего деревенские жители, смиренно сносили ужасающую нищету, бесправие и угнетение и не помышляли о борьбе за свои права и достойную человека жизнь, пишет:

Измученный, разграбленный народ,
Тебе трудней живется год от года.
Я никогда тебя не упрекну
За то, что ты не понял слов свободы.

О жаждущие люди! О рабы!
Хотите, я за вас на битву встану?
Я все отдам, чтоб вам свободу дать –
Я не состарюсь и я не устану.

Перевод А.Шараповой

Данное утверждение Лайека по поводу «непонимания слов свободы» афганским народом, думается, можно было бы с полным основанием, при известных оговорках, отнести также и к периоду, когда левые демократы находились у власти в Афганистане (1978-1992 гг.) и пытались осуществить в стране ряд прогрессивных по своей сути социально-экономических, политических и культурных преобразований.

К 70-м годам прошлого века творчество Лайека становится хорошо известным за пределами его родины. В сентябре 1973 г. он принимает участие в работе V конференции писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате и в Международном поэтическом симпозиуме в Ереване. В мае 1976 г. в Дели был издан новый сборник его стихов «Палатка кочевника». После апрельской революции 1978 г., несмотря на огромную занятость государственными делами, он продолжает свою литературную деятельность и публикует новые сборники стихов «Воспоминания и поля» (1978 г.; на пушту), «Парус» (1981 г.; на дари), «Заря над Индом» (1983 г.; этот сборник был издан на языке пушту при содействии ЮНЕСКО), «Светлое направление дорог» (1984 г.; на дари) и др. Всего с 1978 по 1984 г. вышло девять его поэтических сборников. Автор этих строк был удостоен в указанные годы чести получить из рук Лайека с его дарственными словами ряд изданных тогда сборников поэта.

В 80-е годы основным содержанием литературного творчества Лайека, навеянным, несомненно, острым противоборством левого кабульского режима с антиправительственной вооруженной оппозицией и широкомасштабным вмешательством извне во внутриафганские дела, стали идеалы борьбы за социальную справедливость и светлое будущее его страны и народа, гимн труду и труженику, героика подвигов во имя свободы и независимости Афганистана. В этом ряду, к примеру, стоит и написанное им 28 мая 1981 г. стихотворение «Послание воина»:

Сраженный пулей, из последних сил

Отважный воин друга ратного просил:
«Предай мой прах земле родимой,
Земле, которую всем сердцем я любил,
Отчизне, что дала мне плоть и душу,
Скажи: их честь и славу я не посрамил.
Друзьям же боевым - с поклоном низким
Передай, что ни на шаг от клятвы я не отступил,
Что долг солдатский, выполнив сполна,
Пал, как герой, но землю предков защитил».
Перевод М.Ф.Слинкина

С.Лайек - один из основателей Народно-демократической партии Афганистана, делегат ее I Учредительного съезда, состоявшегося 1 января 1965 г. Входил в авторский актив первого печатного органа НДПА - газеты «Хальк» («Народ»), в которой опубликовал три революционно призывных стихотворения, в том числе и стихотворение «О люди, люди!» и «Путник» (соответственно в номерах от 25 апреля и 9 мая 1966 г.). В июне 1966 г. был избран кандидатом в члены ЦК НДПА. После раскола партии в мае 1967 г. примкнул к фракции Парчам, где продолжал входить в ее руководящее ядро в качестве кандидата в члены ЦК. В 1965 и 1969 гг. баллотировался кандидатом в депутаты Вулуси джирги (нижней палаты парламента) по избирательному округу Пули-Хумри, однако оба раза не набрал необходимого числа голосов.

С мая 1968 г. являлся издателем и главным редактором газеты «Парчам» (28 июля 1969 г. в связи с выдвижением кандидатом в депутаты Вулуси джирги передал функции главного редактора Мир Акбару Хайбару). В упомянутой газете им было опубликовано много страстных, социально ориентированных стихов.

В начале 70-х годов Лайек принимал активное участие в переговорном процессе между двумя фракциями НДПА о восстановлении партийного единства. Следует заметить, что на Востоке, в том числе и в Афганистане, мастера поэтического слова во все времена неизменно пользовались огромной популярностью среди народа. Отсюда не случайно, что фракция Хальк не раз пыталась пополнить в свои ряды Лайека, признанного в общенациональном масштабе поэта. Одна из таких попыток, правда, безуспешных, была предпринята 30 мая 1971

г. лично лидером халькистов Нур Мухаммадом Тараки.

Лайек следующим образом живописал свою встречу с Тараки в докладной записке, представленной в ЦК НДПА (Парчам):

«Тараки рукопожатием и подчеркнутым ко мне вниманием стремился показать свое дружеское расположение... Он, фамильярничая, подтрунивал надо мной и говорил, что двери его «партии» для меня открыты и мне не составляет труда войти в эту «банду». Когда мы сели за стол, он принял покровительственную позу отца и начал расточать любезности, не давая мне перевести дух и сказать хотя бы слово. Он говорил: «Что это за положение? Что вы делаете? Почему не приходите в свою партию? Почему неверно выбрали свое место? ... Скажите, что я должен сделать? Хорошо, пир-саиб (старец. - М.С.)! (Смеясь). Покажите дорогу, вы, знающие, как разрешить трудности... Не обижайтесь, что я с вами занимаюсь болтовней. Я очень люблю вас. Знай, ты являешься единственным поэтом, к кому я сохранил симпатии... Вообще-то я не люблю стихи (после этого он прочитал на пушту несколько моих стихов). Смотри, как я тебя люблю! Знаешь, исследователи в своих трудах пишут, что Лайек является поэтом-реалистом и последователем школы Нур Мухаммада Тараки. В связи с этим я им отвечаю: вы не знаете, какие невзгоды выпали на мою долю из-за этой школы». Сказав это, он притворно засмеялся (подробное изложение содержания докладной записки Лайека дается в книге М.Ф.Слинкина «Афганистан: оппозиция и власть (60-70-е годы XX в.)».

В июле 1977 г. на объединительной партийной конференции Лайек был избран членом Политбюро ЦК НДПА. После прихода к власти в апреле 1978 г. Народно-демократической партии Афганистана он вошел в состав Революционного совета ДРА и первого правительства республики в качестве министра радио и телевидения. В ноябре 1978 г. в связи с принадлежностью к крылу Парчам был выведен из состава Политбюро ЦК НДПА и снят с поста министра. Некоторое время спустя был арестован по личному указанию Х.Амина. С марта по декабрь 1979 года томился в известной в Афганистане дурной славой тюрьме Пули-Чархи. От ареста и тюремных застенков его не спасли ни опубликованная им накануне «покаянная» антипарчамистская статья, ни бесспорное имя национального поэта. Впоследствии, вспоминая трагические дни и ночи заточения в аминовских казематах, он с горечью писал: «Все друзья отвернулись от меня. Со мной остались лишь мои стихи - это сияющее ожерелье жемчужин человеческой души, жаждущей жизни в чистом море правды. Только они давали мне силу и утешение в застенках ада».

Будучи в заключении, Лайек, несмотря на строжайшие запреты тюремщиков вести какие-либо записи, сумел написать, по его собственному признанию, более тысячи четверостиший. Делал он это на обрывках старых бумажных мешков из-под цемента. Позднее 42 его «тюремных» четверостиший (из числа сохранившихся) вошли под общим названием «Цветы ада» в упоминавшийся выше поэтический сборник «Светлое направление дорог». В них он предстает перед читателем как проникновенный поэт-лирик с его неизбывной тоской по свободе, с его глубокими раздумьями о земных радостях и печалях, добре и зле, душевной и телесной красоте человека, его сокровенных помыслах и желаниях. Поэтические, по-восточному своеобразные образы этого цикла подкупают своей искренностью, откровенностью, пылкостью чувств и переживаний, духовным благородством. При этом поэт часто пользуется характерным для классической ираноязычной поэзии приемом взаимного противопоставления. К примеру, описание скорби об утраченном и одновременно восхваление человеческой Любви и Красоты ярко раскрываются им в следующих двух четверостишиях данного цикла:

В застенках темных песню-плач твою я снова слышу,
Из-под небес и шелест платья твоего я тоже слышу,
Как будто наяву тот винный вижу погребок,
Где очи и уста твои пленяли мою душу.

Как жаль, что птица-страсть над нами больше не летает
И жемчуг в локонах твоих уж больше не сияет.
Но в памяти людской всегда живет твой образ дивный,
Он до сих пор, по-прежнему сердца всех нас пленяет.

Перевод М.Ф.Слинкина

Многие из политзаключенных, оказавшихся тогда в аминовских застенках, в том числе и

те, кто сидел в одном блоке с Лайекром, были казнены. Однако к последнему судьба была более благосклонной: он остался жив. Как представляется, от физической расправы Лайека спасли родственные связи его жены с кланом Х.Амина, также принадлежавшего к племени хароти.

Лайек был освобожден из тюрьмы сразу же после ввода советских войск в Афганистан. 10 января 1980 г. он избирается кандидатом в члены ЦК НДПА и членом Революционного совета ДРА. 12 апреля того же года возглавил только что созданную Академию наук Афганистана. Параллельно с исполнением указанных обязанностей он назначается уполномоченным ЦК партии и Революционного совета ДРА по зоне «Восток» (г. Джалалабад). В июне 1981 г. на 6-м пленуме ЦК НДПА был избран членом ЦК и занял пост министра по делам народностей и племен. Кроме того, он являлся заместителем председателя Центрального совета Национального отечественного фронта - самой массовой общественной организации ДРА. В ноябре 1985 г. его избирают кандидатом в члены Политбюро ЦК НДПА, а 10 июля 1989 г. (на 19-м пленуме ЦК партии) - членом Политбюро. С октября 1989 г. - секретарь ЦК НДПА. В июне 1990 г. по решению II партийного съезда он становится членом Исполнительного бюро Центрального совета Партии Отечества и одним из заместителей ее председателя.

За заслуги в руководстве Академией наук Афганистана и большой личный вклад в развитие отечественной литературы Лайек был удостоен в ноябре 1986 г. звания академика в области языка и литературы. Он проявил себя и как исследователь-этнограф. Среди зарубежных афганистов не осталось не замеченным его многочасовое выступление на симпозиуме смешанной советско-афганской комиссии по пуштунской проблеме, в котором он с присущей ему основательностью знания сути вопроса раскрыл особенности племенной структуры афганских пуштунов, их обычаи, традиции, ментальность и мотивацию порой трудно предсказуемого их поведения как внутри своего сообщества, так и с внешним миром.

На всех указанных выше постах ярко проявились его выдающиеся организаторские способности. Он, как тонкий политик и глубокий знаток этно-конфессиональной ситуации в стране и как признанный поэт, приобрел огромный авторитет не только среди племен и народностей Афганистана, но и вообще среди всех слоев интеллигенции и простых афганцев. Вместе с тем, нельзя не признать, что в руководстве партии и государства отношение к нему было далеко не однозначным: одни боготворили его и вполне оправданно связывали с его именем наиболее реальные возможности решения затянувшегося афганского кризиса, другие же, наоборот, ревниво воспринимая его популярность, плели вокруг него интриги и стремились во что бы то ни стало скомпрометировать его в глазах и афганской общественности, и Москвы. К компрометации Лайека прикладывали свою руку и влиятельные сотрудники представительства КГБ в Кабуле, а также ответственные работники советского посольства, которым не нравились его независимость, прямота суждений и несогласие с некоторыми аспектами политики высшего руководства страны, а значит и с установками, исходящими из Кремля.

Несмотря на все потуги его недругов, авторитет Лайека еще больше укрепился с началом реализации политики национального примирения. Среди высших государственных деятелей режима Наджибуллы ему не было равных по влиянию и популярности в народе, особенно в зоне проживания пуштунских племен. В связи с этим, если вспомнить затеянную в Москве смену весной 1986 г. высшего афганского руководства, то, по моему глубокому убеждению, именно Лайек мог бы явиться, по сравнению с Наджибуллой, более предпочтительной фигурой на пост президента страны.

Мне памятливы несколько встреч и продолжительных бесед с этим незаурядным, интеллигентным по натуре, весьма обаятельным в общении и откровенным в своих суждениях человеком. В ходе одной из таких бесед (это случилось где-то в середине 80-х годов) он искренне и озабоченно посетовал на некомпетентность ряда высокопоставленных советских советников в решении злободневных проблем афганской действительности. Конкретизируя свою мысль и, видимо, имея в виду в первую очередь подчиненное ему ведомство, он высказал крайнее недоумение по поводу направления в его страну из СССР в качестве советников преимущественно, как он выразился, «специалистов» (т.е. представителей спецслужб), а не профессионалов, хорошо знающих не только свое дело, но и восточную специфику вообще и Афганистана, в частности.

Лайек был, безусловно, прав. Например, в составе советского советнического аппарата, работавшего в 1978-1988 гг. при высших партийно-государственных органах Афганистана и насчитывавшего в своих рядах, по приблизительным подсчетам, в общей сложности более 300 человек, такого рода профессионалов было не более пяти человек. Да и они, надо признать, имели весьма ограниченные возможности сделать что-либо позитивное, поскольку аккредитованная на высших постах амбициозная советская партийно-бюрократическая номенклатура к их мнению, как правило, не прислушивалась.

Некомпетентные в афганских делах советские советники, прибыв в эту отсталую страну, где все еще оставались пережитки средневековья во всех сферах - в экономике, социальных отношениях и психологии народа, уже на старте своей деятельности стали с присущими им рвением и упорством решать афганские проблемы по аналогии с опытом строительства социализма в СССР (другое они, к сожалению, просто не знали). Более того, встретившись с нерасторопностью и нерешительностью своих афганских подсоветных, начали подменять последних на всех стадиях работы: от подготовки их речей, выступлений, докладов, постановлений, законов и пр. до исполнения конкретных дел. На долю же афганских друзей со временем остались лишь формальное согласие с тем, что им предлагалось, и словесное воспроизведение всего этого с разных трибун. Так с легкой руки советского советнического аппарата родился феномен иждивенчества афганского руководства на всех его уровнях сверху донизу.

Из всех зол подобного рода, пожалуй, самым худшим было грубое, беспардонное вмешательство совпосла и руководства группы советников ЦК КПСС в Кабуле в деятельность Политбюро и секретариата ЦК НДПА. На этот порочный стиль работы, как уже отмечалось, вынуждены были обратить внимание халькисты-члены ЦК НДПА в закрытом письме, направленном в адрес Политбюро ЦК КПСС в апреле 1988 г. В нем они, имея в виду указанных выше особ, подчеркнули, что в Республике Афганистан «партийная власть не должна концентрироваться в руках группы лиц, не входящих в руководство». Ту же мысль о имевшем место в прошлом вмешательстве советской стороны в деятельность высших партийных и государственных органов Афганистана повторил Лайек в мае 1990 г. на встрече с советской делегацией, в составе которой привелось быть и автору этих строк.

Влияние и популярность Лайека в афганском обществе были обусловлены не только его талантом поэта и заслугами государственного деятеля, но и родственными связями (как на правом, так и на левом политических флангах). Он состоял в родстве с семьей влиятельных афганских духовных авторитетов Моджаддеди: сестра Лайека была замужем за Себгатуллой Моджаддеди. Другая сестра Лайека являлась женой известного афганского революционера, члена Народно-демократической партии Афганистана (Парчам) Мир Акбара Хайбара, убитого в Кабуле при загадочных обстоятельствах 17 апреля 1978 г.

Лайек, имея трех дочерей и двух сыновей, после гибели Хайбара взял на свое попечение его четырех детей. Примером заботы Лайека о их судьбе может служить следующий факт, свидетелем которого мне пришлось быть. В годы граждански войны в Афганистане, как известно, вооруженная оппозиция, кроме прочих средств и методов борьбы против кабульского режима, нередко с целью шантажа влиятельных правительственных чиновников прибегала к похищению их детей. В связи с этим в середине 1980-х годов у афганских компетентных органов возникли, и не без оснований, подозрения относительно вероятности похищения сына Хайбара, юноши школьного возраста. Эта информация дошла и до Москвы, откуда мне поступило указание встретиться с членами семьи Хайбара и сообщить им, что наша сторона, если они согласятся, готова принять этого юношу на учебу в московской специализированной школе-интернате, где к тому времени уже обучались дети премьер-министра Афганистана С.А.Кештманда и ряда других партийных и государственных деятелей данной страны.

Я незамедлительно встретился с братом Хайбара полковником Бесмеллой и посвятил его в суть вопроса. Он пообещал связаться с Лайеком и матерью юноши и обсудить с ними любезное предложение Москвы. Буквально в тот же день мне позвонил Лайек и попросил о встрече. Я тут же направился к нему, благо здание его министерства и здание Международного отдела ЦК НДПА располагались рядом. Войдя в его кабинет, я увидел там и полковника Бесмеллу. Как обнаружилось в ходе разговора, оба они были взволнованы не столько готовностью Москвы принять на учебу их племянника, сколько угрозой его похищения. Пришлось их успокоить и сказать, что речь никак не идет о реальной опасности похищения, а лишь о

его вероятности. В конце концов, данный вопрос, вызвавший столько волнений, был решен матерью юноши, которая наотрез отказалась куда-либо отправлять своего сына, поскольку без него, по ее выражению, она не мыслила свою жизнь.

После прихода моджахедов к власти в Кабуле Лайек не нашел возможности больше оставаться в стране и вместе со своей большой семьей перебрался в Германию, где получил политическое убежище.

АБДУРРАХИМ ХАТЕФ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ

В начале апреля 1986 г., завершив еще одну четырехлетнюю служебную командировку в Афганистан и прибыв в советскую столицу, я был принят заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС, профессором Р.А.Ульяновским для отчета о проделанной работе и изложения, по предварительной договоренности, своей позиции по поводу намечавшейся Москвой смены высшего афганского партийно-государственного руководства. Профессор внимательно выслушал меня и в заключении разговора сказал:

– Что ж, Михаил Филантьевич, вы проделали большую и полезную работу. Спасибо! Отдохните полгода в своем солнечном Крыму, а потом надо снова поехать в Афганистан. У нас там еще много нерешенных проблем.

Это «надо» явилось для меня большой неожиданностью. Откровенно говоря, в тот момент мои долгосрочные планы новой поездки в Афганистан не входила. Мои сокровенные желания сводились тогда, среди прочих, к тому, чтобы продолжить преподавание истории Востока в Симферопольском государственном университете, подготовить к переизданию «Русско-дари военный и технический словарь» и, конечно, заняться осмыслением всего увиденного и пережитого в Афганистане, в том числе и обработкой личного архива материалов и документов, собранных к тому времени по истории этой беспокойной страны.

Решения по поводу этого «надо» не пришлось долго ждать: уже в начале следующего года в Москве начал рассматриваться вопрос о моей очередной командировке в Афганистан. При этом предполагалось, что на сей раз в круг моих непосредственных обязанностей будут входить: оказание помощи соответствующим афганским органам в ведении внешнеполитической пропаганды, контакты с легальными леводемократическими организациями и группировками, функционирующими в стране вне организационных рамок правящей партии - НДПА, и, главное, выполнение обязанностей советника председателя Центрального совета Национального отечественного фронта (ЦС НОФ), массовой общественно-политической организации Демократической Республики Афганистан.

Случилось так, что летом 1987 г. председатель ЦС НОФ Абдуррахим Хатеф вместе с супругой отдыхал в крымском санатории «Ай-Даниль». Там же в то время проводил отпуск и ответственный сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Г.А.Поляков. Он, воспользовавшись этим случаем, 25 июля организовал для А.Р.Хатефа «смотрины» его предполагаемого советника. Моя встреча с Хатефом, продолжавшаяся более двух часов, состоялась наедине в небольшом, уютном помещении санатория, с обязательными на столе по восточному этикету чаем, кофе, разного рода орешками, конфетами, фруктовой и минеральной водой. Во всем этом угадывалась «рука» Генриха Анатольевича, организатора данной встречи и большого знатока правил и норм восточного гостеприимства.

После взаимных приветствий и обмена стандартными словесными формулами о здоровье и самочувствии Хатеф первым делом поинтересовался моей биографией и профессией. Узнав мой возраст, он не удержался и подметил:

– Оказывается, вы старше меня почти на два года!

В этих словах Хатефа послышалось явное удовлетворение по поводу возраста его потенциального советника. Надо пояснить, что в менталитете афганского народа, как, впрочем, и на Востоке вообще, солидный возраст человека всегда был и остается мерилем мудрости и авторитета в обществе. Именно с указанных позиций многие должностные лица Афганистана нередко оценивали своих советских советников. Как показалось, не был в этом плане исключением и Хатеф, человек, воспитанный в духе приверженности национальным обычаям и традициям.

Выслушав меня, Хатеф в порядке взаимности довольно кратко, не останавливаясь на деталях, обозначил лишь основные вехи своего жизненного пути, которые свелись к следующему. Родился в 1926 г. в Кандагаре, в семье пуштуна из гильзайского племени тохи. Среднее и высшее образование получил в столичном лицее Хабибия и на литературном факультете Кабульского университета. После его окончания возвратился в Кандагар, где в течение двух лет (1949-1951гг.) занимал должность заместителя директора лицея Мир-Вайса, а затем пре-

подавал в лицее Ахмад-шах Баба. В 1952 г. переехал в Кабул и некоторое время вел преподавательскую работу в Педагогическом училище (дар-оль-моаллемин). До ухода в 1953 г. в отставку с государственной службы непродолжительное время исполнял обязанности начальника отдела публикаций управления развития Гильмендской ирригационной системы. В 1965 г. был избран от Кандагара депутатом Вулуси джирги (нижней палаты парламента). Будучи беспартийным, симпатизировал леводемократическому движению и даже однажды, прибегнув к силе, заступился за членов фракции левых - депутатов Вулуси джирги (Б.Кармаля, Н.А.Нура, А.Ратеззад и Ф.Х.Файзана), которые в ноябре 1966 г. были подвергнуты в парламенте избиению ультраправыми элементами. При республиканском режиме М.Дауда Хатеф участвовал в работе Лоя джирги, принимавшей новую конституцию страны.

В 1980-х гг., в ходе разгоравшейся в стране гражданской войны, он встал на сторону правительства Б.Кармаля. На I Учредительном съезде Национального отечественного фронта в июне 1981 г. был избран членом его Центрального совета, а 6 мая 1985 г. - председателем ЦС НОФ. В декабре того же года был введен в состав Революционного совета Демократической Республики Афганистан, высшего законодательного органа страны.

До Апрельской революции 1978 г. Хатеф входил в деловую элиту Афганистана и по праву считался одним из преуспевающих бизнесменов страны. Поддерживал дружеские связи со знаменитым Абдулом Маджидом Заболи, который считался первым и самым крупным афганским предпринимателем и банкиром. Нелишне вспомнить, что А.М.Заболи начинал свой бизнес в период НЭПа в Советской России (Тахта Базар, Ташкент и Москва) и, как гласит легенда, он, по его собственному признанию, был первым в Афганистане, кто изучил «Капитал» К.Маркса и с успехом использовал почерпнутые из этого произведения знания в своей предпринимательской деятельности. Народная молва гласит, что А.М.Заболи с гордостью говорил о себе, как о первом афганском марксисте. Отсюда, видимо, не случайно, что А.М.Заболи, проживавший с 70-х гг. прошлого века в США, с симпатией встретил приход к власти в Кабуле левых демократов и принес в дар Демократической Республике Афганистан крупные денежные средства и недвижимость, исчисляемые десятками миллионов афгани.

Далее наш разговор пошел о конкретных реалиях Афганистана. Хатефу, человеку думающему, широко осведомленному, независимому в суждениях и оценках, было что сказать о положении внутри и вокруг своей страны и, главное, о месте и роли возглавляемой им организации - Национальном отечественном фронте. У меня, к счастью, сохранились записи той беседы с Хатефом. Говоря о НОФ, он особо выделил его слабые стороны, мешающие ему стать подлинно массовой, независимой и популярной в обществе организацией. Приведу его мысли на сей счет с некоторыми сокращениями.

«Во-первых, - говорил Хатеф, - среди широкой, социально разнородной афганской общности доверие к Фронту было изначально подорвано тем, что эта организация создавалась правящей партией как ее структура и все ключевые посты в ней - председателя, ответственного секретаря и двух заместителей председателя (из трех) - заняли партийные деятели. Такое положение, естественно, отпугивало от Фронта тех, кто не разделял взгляды партии. В итоге заметно сузились социальная база Фронта и его влияние в обществе.

Во-вторых, в составе Фронта остается весьма незначительной численность индивидуальных членов - 130 тысяч человек, по сравнению со 670 тысячами коллективных членов. Существенный недостаток такой структуры заключается в том, что коллективные члены (профсоюзы, Демократическая организация молодежи Афганистана, Союз сельскохозяйственных кооперативов, Организация мира, солидарности и дружбы Афганистана, Союз писателей и поэтов страны и другие) упорно стремятся реализовать через Фронт свои собственные цели и задачи, игнорируя при этом специфические для Фронта программные лозунги.

В-третьих, в серьезном совершенствовании нуждаются механизм и сама концепция подбора и укрепления кадрового руководящего состава Фронта. Представляется не совсем приемлемой нынешняя практика, когда указаниями премьер-министра С.А.Кештманда мне были навязаны дополнительно к штату еще девять заместителей, каждый из которых представляет ту или иную этническую и конфессиональную группу Афганистана. При подборе данных лиц, к сожалению, не учитывались их организаторские способности и желание работать,

личная репутация и влияние в обществе. Поэтому многие из этих заместителей, заняв престижные кабинеты и получив автомобили и высокие оклады, практически не работают.

В-четвертых, на мой взгляд, требуют существенных изменений структура и источники финансирования нужд Фронта. Пока же его бюджет складывается в основном за счет прямых дотаций из государственной казны (70%) и косвенных правительственных поступлений (15%), а также пожертвований частных лиц и зарубежных спонсоров. Фактически Фронт находится на иждивении государства, что в глазах афганской общественности ассоциируется с несамостоятельностью этой организации. Поэтому, чтобы повысить доверие к Фронту, необходимо внести коренные изменения в источники его финансирования. Как мне думается, в бюджете Фронта частные пожертвования должны составлять не менее 60 процентов. Одновременно было бы желательным расширение помощи со стороны зарубежных неправительственных организаций, особенно сходных нам по структуре и предназначению. Для этого надо активизировать международные связи Фронта.

В-пятых, далеко не в полной мере используются потенциальные возможности Фронта в деле реализации политики национального примирения, нашей главной патриотической задачи. Это касается, прежде всего, создания и функционирования чрезвычайных комиссий по национальному примирению, действующих на уровнях провинций, уездов, волостей и населенных пунктов.

Так что Фронту, господин Михаил, чтобы стать подлинно самостоятельной, независимой общественно-политической организацией и занять подобающее ей место в политической системе государства, предстоит решить немало жизненно важных проблем. Только в этом случае он сможет выполнить свое высокое предназначение».

Слушая Хатефа и мысленно отдавая должное его глубоким знаниям афганской действительности и трудностей, испытываемых его организацией, мне показалось уместным задать ему ряд вопросов сугубо личного характера и таким образом вызвать его на откровенный разговор.

- Извините за прямоту, уважаемый Хатеф, - спросил я, - в данной ситуации, когда Фронт за многие годы своего функционирования накопил богатый опыт и отчетливо понимает свои цели и задачи, нужен ли ему иностранный советник и, если - да, то в чем конкретно, по вашему мнению, могут заключаться его функции?
- Да, да, конечно же, нужен, - как-то торопливо начал говорить мой собеседник. - Более того, в этом качестве мы хотели бы видеть именно вас. Что касается конкретных вопросов, в решении которых вы могли бы принять участие, то можно, к примеру, в их числе назвать следующие: в первую очередь, оказание Фронту помощи в отстаивании его интересов в государственных и партийных органах (при этих словах мне тут же подумалось, что Хатеф намекает на необходимость лоббирования интересов его организации в кругах многочисленного советского советнического аппарата, аккредитованного при афганских партийно-государственных ведомствах. - М.С.); участие в координации действий коллективных членов Фронта и обеспечение плодотворного сотрудничества с ними; содействие установлению связей с лояльными режиму общественно-политическими организациями и группировками, пока не входящими в состав Фронта; помощь аппарату Центрального совета в совершенствовании организационной, информационно-аналитической и издательской деятельности, а также в разработке программных материалов и документов; посредничество в установлении и дальнейшем развитии международных связей Фронта и т.п.

Ответив на мои вопросы, Хатеф снова возвратился к проблеме нелестного имиджа Фронта, сложившегося среди разноликой афганской общественности, как зависимой от властей организации. Повторив ранее сказанные доводы на сей счет, он в весьма осторожной форме стал говорить о рабочем месте (кабинете) своего будущего советника. Из его слов вытекало, что постоянное присутствие иностранного советника в резиденции Центрального совета Фронта могло бы быть истолковано недоброжелателями как доказательство внешнего влияния и как несамостоятельность данной организации. В связи с этим Хатеф посчитал целесообразным, чтобы кабинет советника располагался не в здании ЦС НОФ. В этом случае будут в определенной мере нейтрализованы подобного рода измышления. По его мнению, такое положение, когда советник будет иметь свое постоянное рабочее место вне здания ЦС, никак не мешает нашим контактам и интересам общего дела. Данное предложение Хатефа пока-

залось мне весьма логичным. Забегая вперед, скажу, что в дальнейшем оно было реализовано на деле и не внесло каких-либо неудобств в наши деловые отношения.

Прибыв в Кабул, я первым делом стал знакомиться с сотрудниками Центрального совета Фронта. Действительно, Хатеф был прав: в их числе оказалось довольно много случайных, бездеятельных, безынициативных людей. Вместе с тем приятно было узнать, что за годы, прошедшие после создания данной организации, в ее руководстве (в центре и на местах) сложился костяк (хотя и немногочисленный) деятельных и авторитетных в обществе лиц. К их числу можно было бы отнести заместителей председателя ЦС НФ маулави Саида Афгани (умер в 1985 г.; автор хорошо знал его по своей прошлой работе), маулави Мухаммада Салема Эльми, отставного генерала Акель Шаха Мангала и маулави Абдурауфа (из провинции Бадгис), председателя Нангархарского провинциального совета Фронта, отставного полковника Ковват-хана Бридваля, председателя совета Фронта волости Дехи-Як (провинция Газни), бывшего офицера афганской королевской армии Залмая Сабзи (с ним автору пришлось познакомиться в далеком 1957 г. на танковых курсах в Герате) и др.

Среди названных деятелей особо следует выделить маулави Эльми, личность поистине легендарную в Афганистане. Он прославился тем, что с присущими ему смелостью и самоотверженностью, с Кораном в правой руке и автоматом Калашникова в левой, без какого-либо сопровождения, в одиночку регулярно посещал сельские населенные пункты, в том числе и находившиеся под контролем моджахедов, и проводил там проповеди. В декабре 1987 г., во время боевой операции «Магистраль» в Пактии, Эльми и его коллега А.Ш.Мангал организовали и провели целую серию племенных джирг непосредственно в данном районе и таким образом содействовали в определенной мере успеху этой операции. На его непререкаемый авторитет в обществе не повлиял и ярлык «красного муллы», который приклеили ему его недруги из стана вооруженной оппозиции. Его высоко чтили и в правительственных войсках, где он исполнял обязанности главного военного муллы. В апреле 1988 г. Эльми был избран депутатом Вулуси джирги и возглавил в этой палате парламентскую комиссию по законодательству.

Выдающийся организаторский талант Хатефа и его устремления принести мир и безопасность на афганскую землю раскрылись в полной мере с началом реализации в стране политики национального примирения. Занимая в тот период посты председателя ЦС НФ, председателя Высшей чрезвычайной комиссии по национальному примирению и члена президиума Революционного совета ДРА, он сумел превратить Национальный фронт и действовавшие в его рамках на всех административных уровнях чрезвычайные комиссии в важный инструмент по умиротворению страны. Осуществлению данной общенациональной задачи всячески содействовал правящий кабульский режим. В связи с этим, представляется вполне объяснимым, что глава государства Наджибулла первоначально избрал именно трибуну Национального фронта для обнародования программы национального примирения. Выступая 14 января 1987 г. на II съезде Фронта, он изложил основные положения указанной программы. И только на следующий день она была подробно раскрыта в официальном документе, получившем название «Обращение генерального секретаря ЦК НДПА тов. Наджиба, основанное на послании Центрального комитета НДПА, Революционного совета ДРА, Национального отечественного фронта, Совета улемов и Афганского совета вдов, ко всем гражданам свободного и независимого Афганистана».

Хатеф блестяще подтвердил репутацию самого влиятельного общественно-политического деятеля на Лоя джирге (мне довелось это лично наблюдать), которая проходила под его председательством в конце ноября 1987 г. На ней, как известно, была принята Конституция Республики Афганистан и президентом страны избран Наджибулла.

Согласно данной конституции, Национальный фронт, единственный из всех существовавших в стране общественно-политических организаций, наделялся довольно широкими полномочиями и правом влиять на направление государственных дел. В частности, члены Исполкома НФ получили право принимать участие в работе и выработке решений Лоя джирги, выступать в парламенте с законодательной инициативой (впрочем, этим конституционным правом пользовалась еще одна организация - Совет улемов и духовенства), а также через свою фракцию в парламенте добиваться осуществления целей и задач, зафиксированных в

Уставе и Основных направлениях платформы Национального фронта. Кроме того, в соответствии со статьей 66 конституции, секретариату НФ предоставлялось право вносить президенту страны представление о назначении членами Лоя джирги до 50 человек из числа видных политических, общественных, научных и духовных деятелей.

В апреле 1988 г. в Афганистане состоялись выборы в Национальный совет (парламент). Хатеф снова был востребован: президент РА своим указом возложил на него обязанности председателя Центральной избирательной комиссии. В ходе предвыборной кампании советы Фронта выдвинули своих кандидатов в депутаты парламента во всех провинциях, в том числе в Вулуси джиргу (нижнюю палату) 135 человек и в Сенат - 57.

Итоги парламентских выборов были для Фронта впечатляющими. Ему удалось провести в парламент 69 депутатов, в том числе в Вулуси джиргу - 48 и в Сенат - 21, и таким образом создать самую крупную парламентскую фракцию (28%). Повышению авторитета Национального фронта и его влияния в обществе содействовало и избрание председателей палат из числа видных функционеров Фронта, а именно: Халиля Ахмада Абави, председателя Кабульского городского совета Фронта и председателя Кабульской городской комиссии по национальному примирению, - председателем Вулуси джирги и Махмуда Хабиби, члена исполкома НФ, - председателем Сената.

Хатеф, как опытный и дальновидный политик, тонко чувствовал меняющуюся в стране политическую и военную ситуацию, особенно с приближением сроков вывода советских войск из Афганистана, и в полном соответствии с велениями времени предпринимал меры по организационному и кадровому укреплению всех звеньев Фронта в центре и на местах и активизации их деятельности. В этом смысле нельзя было не заметить существенных изменений, происшедших в руководящих структурах Фронта в период с января по май 1988 г. Так, в указанное время значительно был сокращен аппарат Центрального совета Фронта (со 124 человек до 78), упразднены 6 заместителей председателя ЦС, ликвидированы из-за ненужности отделы экономики, финансов и др. Из Центрального совета НФ и его Исполкома были выведены лица, скомпрометировавшие себя и не принимавшие участия в работе этих органов. Одновременно на одну треть был обновлен кадровый состав руководящих органов Фронта за счет введения в его штаты авторитетных лиц - старейшин, улемов, известных деятелей прежних режимов, представителей оппозиции. Было также принято решение создать при ЦС НФ отдел уполномоченных по провинциям. Предполагалось, что они, находясь длительное время непосредственно в звене уезд-волость-деревня, окажут содействие местным советам Фронта и органам власти в реализации целей и задач по национальному примирению.

К маю 1988 г., т.е. к началу вывода советских войск из Афганистана, структуры Национального фронта действовали на всех административных уровнях страны и насчитывали 4049 советов, включая провинциальных - 31, городских - 16, районных - 45, окружных - 1, уездных - 145, волостных - 62, деревенских - 2160 и по месту жительства - 1589. Наряду с этим, в рамках Фронта были сформированы и работали 1808 джирг мира и 2782 чрезвычайные комиссии по национальному примирению, которые в основном решали такие задачи, как установление контактов с вооруженной оппозицией и склонение ее к прекращению боевых действий, создание коалиционных форм власти на местах, ведение информационно-пропагандистской работы в рядах моджахедов внутри страны и в лагерях беженцев в соседних странах, оказание материальной, правовой и другой помощи репатриантам и бывшим членам противоборствующей стороны при переходе их к мирному труду, содействие в освобождении заключенных и т.д.

Советы Национального фронта призваны были решать и решали на местах многие насущные задачи в социальной сфере. Среди них самыми распространенными являлись следующие: содействие в разрешении споров и конфликтов, возникавших между гражданами (эту функцию раньше, согласно афганской традиции, выполняли племенные джирги); организация хашарных работ по восстановлению и поддержанию в порядке кяризов, колодцев, ирригационных сооружений, дорог, полей, пастбищ; оказание материальной и другой помощи малообеспеченным и нуждающимся семьям и осуществление опеки над семьями погибших в годы гражданской войны; содействие репатриантам в строительстве жилья, трудоустройстве и обеспечении их продовольствием и товарами первой необходимости, а также предоставление

медицинской помощи и помощи в сфере образования; рассмотрение жалоб, предложений и просьб отдельных лиц и коллективов и принятие необходимых мер по ним.

Достоин упоминания еще один аспект в деятельности советов Фронта. В условиях начавшегося вывода советских войск из Афганистана руководство Фронта начало спешно усиливать имевшиеся и создавать новые отряды самообороны по месту жительства из числа членов своей организации. К примеру, тогда в населенных пунктах вокруг Кабула в стадии формирования находился пояс такого рода отрядов в количестве до 240 единиц, общей численностью около 3 тысяч бойцов.

К сожалению, Национальному фронту, несмотря на несомненные успехи, в силу целого комплекса субъективных и объективных причин и обстоятельств не удалось стать одним из важных инструментов в политике кабульского режима по умиротворению страны. Как отметил мартовский (1988 г.) чрезвычайный пленум ЦС НФ, советы Фронта не смогли по-настоящему мобилизовать различные слои и группы населения, особенно общественно-политические круги страны, на усиление процессов национального примирения. Фактически осталась не реализованной идея создания на местах, прежде всего в звене уезд-волость-деревня, коалиционных форм власти и управления. Главная причина ее провала, как, впрочем, и других лозунгов национального примирения, состояла в том, что они в процессе их реализации не были подкреплены со стороны кабульского режима и советских войск убедительной демонстрацией военной силы перед вооруженной оппозицией. А со слабым противником, как давно известно, противоборствующая сторона, уверенная в своем военном превосходстве, ни при каких обстоятельствах не сядет за стол переговоров о мире и не пойдет на какие-либо уступки и компромиссы.

Была еще одна существенная причина провала политики национального примирения - поспешный, по принципу «после нас хоть потоп», вывод советских войск из Афганистана (практически через месяц после официального объявления даты вывода), что лишило кабульские власти возможности по-настоящему подготовиться к надежному удержанию территории вдоль афгано-пакистанской границы. Все это привело к тому, что по пятам советских войск, отводимых из приграничной полосы, ринулись в глубь страны хорошо вооруженные отряды моджахедов, сметая на своем пути не готовые к сопротивлению афганские регулярные и иррегулярные формирования. За короткое время (с середины мая по июль 1988 г.) на значительной приграничной с Пакистаном территории прекратили свое функционирование почти все местные советы Фронта, комиссии по национальному примирению, а также и коалиционные формы власти, особенно в звене деревня-волость-уезд. Часть структур НФ была перемещена в провинциальные центры - Джалалабад, Гардез, Майданшахр. Некоторые из этих структур Фронта вынуждены были перейти на нелегальное положение.

В те тревожные дни, когда моджахеды подошли к окраинам столицы и начали методично подвергать город ракетным обстрелам, мне приходилось неоднократно слышать из уст Хатефа и других высокопоставленных афганских деятелей один и тот же (скорее риторический) вопрос:

— Почему вы так спешите с выводом своих войск? Что же стоит за этим?

Надо сказать откровенно, тогда трудно было найти на данный вопрос обоснованный, вразумительный ответ. И лишь спустя годы стало вполне очевидным, что та спешка с выводом войск явилась первым звеном на пути предательства горбачевским (а затем и ельцинским) руководством наших бывших афганских друзей, грубым пренебрежением к их дальнейшей судьбе, судьбе их страны. В конце концов это предательство привело в Кабуле к власти моджахедов и талибов, превративших Афганистан со временем в дестабилизирующий фактор в регионе и мире, рассадник международного терроризма.

... В процессе совместной работы у нас с Хатефом сложились, как мне казалось, дружеские, порой даже доверительные отношения, хотя, надо признать, в общении мы так и не перешли на «ты». В наших довольно частых беседах затрагивались не только проблемы Фронта, внутривластные и международное положение Афганистана, но и сугубо личные вопросы. Как-то Хатеф в порыве откровенности поведал мне, что вооруженная оппозиция не простила ему национально-патриотических и демократических взглядов и в отместку сожгла дотла в Кандагаре его склады с товарами и имуществом на миллионы долларов. Отвечая на мой во-

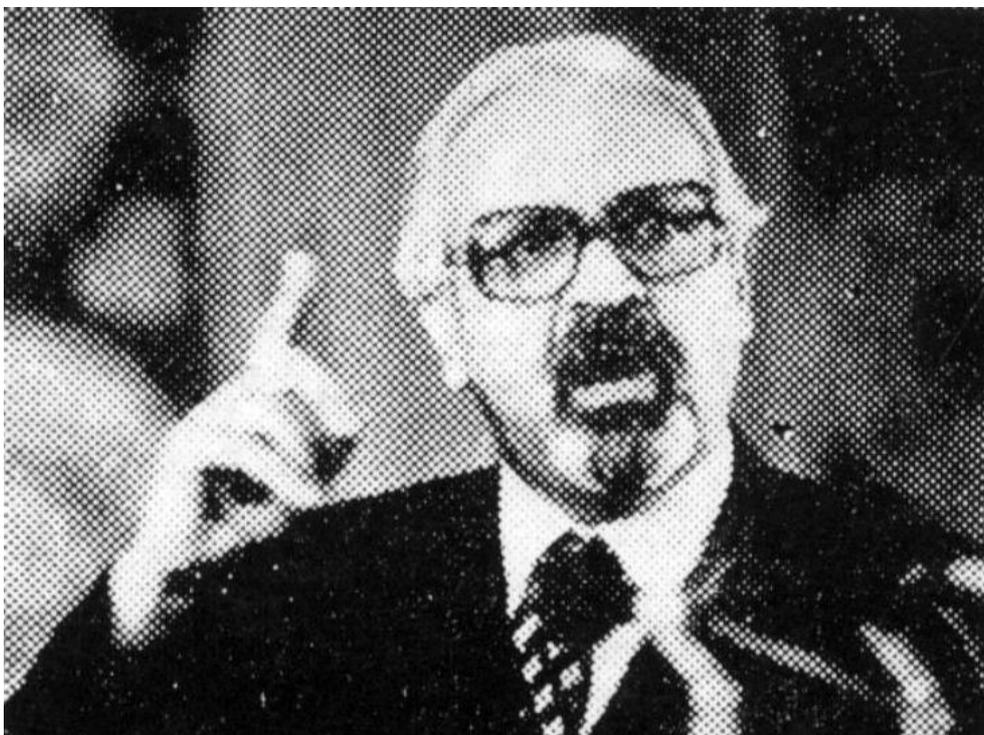
прос о том, что же заставило его заниматься политикой и встать на сторону левого режима, он с глубоким убеждением сказал:

- Знаете, уважаемый Михаил, у меня в этом деле большого выбора не было: либо моджахеды, либо левые власти. Я всегда хорошо понимал, что у моджахедов, тянущих нас в отжившее прошлое, нет будущего. Откровенно скажу, у меня не было и нет каких-то особых симпатий к молодым, ретивым ребятам из НДПА. У них много слабостей, ошибок, политической незрелости и дефицит жизненного опыта. Они плохо знают свою страну. Все это мешает им стать влиятельной силой в Афганистане и завоевать доверие среди широкой, социально и идейно разделенной афганской общественности. Однако программа и практика НДПА, при всех их просчетах, на мой взгляд, в наибольшей мере отвечают национальным интересам Афганистана, его будущему как демократического и процветающего государства. Вот почему я, пожертвовав всем своим имущественным состоянием, встал на сторону левого кабульского режима. Повторюсь, другой альтернативы у меня не было и нет.

Еще несколько штрихов к портрету Хатефа, как личности и политика. Он неизменно стремился строить работу органов Фронта на демократических началах, с уважением относился к мнению подчиненных, но не терпел при этом демагогии, безынициативности и лени, в общении с окружающими вел себя без амбициозности и претензии на исключительность. В процессе контактов с ним у меня сложилось мнение, что он с симпатией относился к Советскому Союзу и миру социализма. Однажды в разговоре он обронил, что «является по своим убеждениям больше коммунистом, чем члены Народно-демократической партии Афганистана».

4 июня 1988 г. Хатеф на совместном заседании Вулуси джирги и Сената (по представлению президента Наджибуллы) был утвержден вице-президентом Республики Афганистан. Чтобы полностью сосредоточиться на исполнении новых обязанностей, он подал прошение об освобождении его с поста председателя ЦС НФ. В апреле 1992 г. Хатеф в течение нескольких дней (после неудавшейся попытки Наджибуллы бежать из страны и до «мирной» передачи власти в Кабуле в руки моджахедов) исполнял обязанности президента страны. Чем занимался беспартийный Хатеф при моджахедах и талибах, мне неизвестно. Хотелось бы думать, что и в это трагическое для страны и афганского народа время он не изменил своим идеалам.

© Фото из архива автора, сборника стихов С.Лайека «Светлое направление дорог» и журнала «Братские народы» (на языке дари)

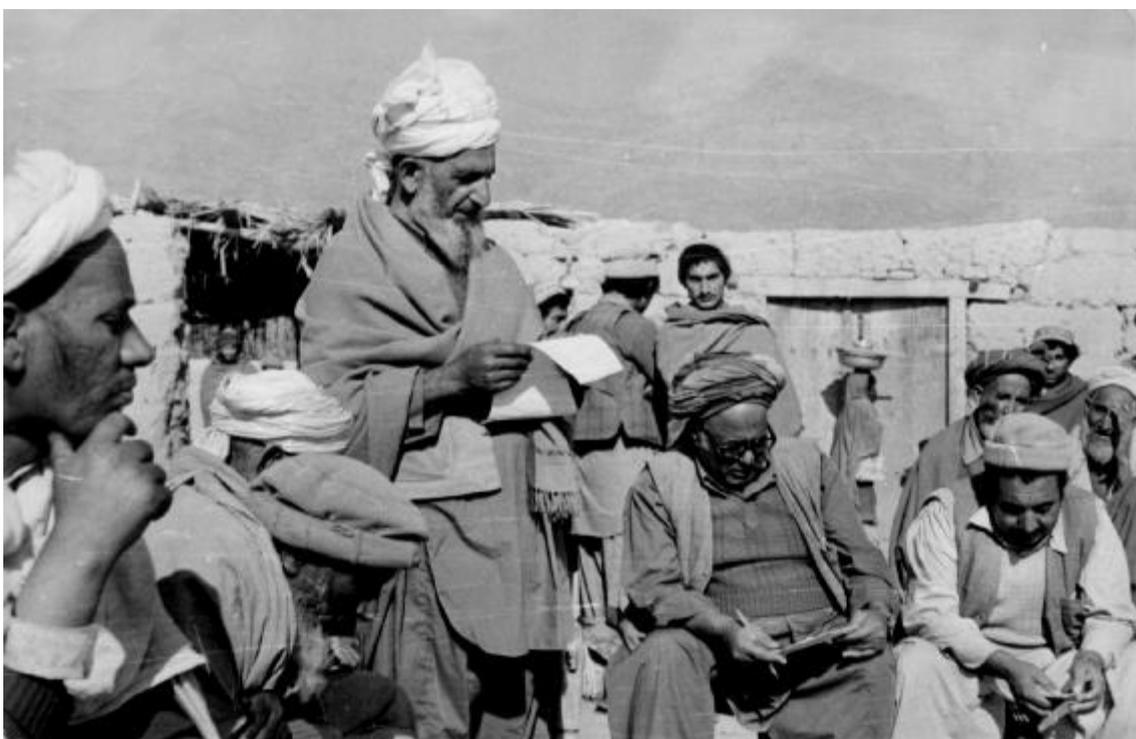
Сулейман Лайек.

Июнь 1984 г. С.Лайек выступает на собрании, посвященном памяти поэта Хошхаль-хана Хаттака.

1984 г. Провинция Нангархар. Джирга племен моманд и шинвари, обсуждающая вопросы прикрытия афгано-пакистанской границы.

1984 г. Старейшины племен моманд и шинвари обсуждают вопросы прикрытия афгано-пакистанской границы.

1984 г. Бойцы полка племенного ополчения на дороге Джалалабад – Торхам.

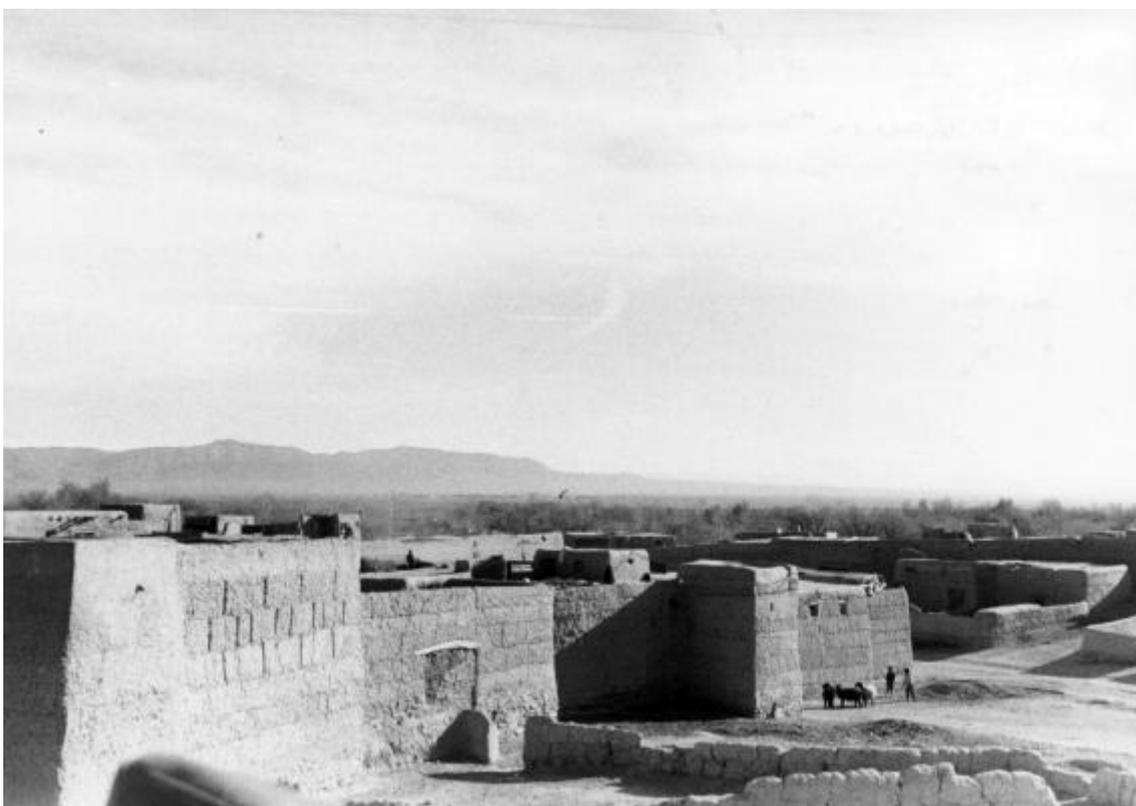
1984 г. Провинция Нангархар. В полку племенного ополчения.

Слева направо: четвертый – М.Ф.Слинкин, пятый – секретарь Нангархарского
провинциального комитета НДПА Мухаммад Анвар Исар, седьмой – заместитель заведующего
Международным отделом ЦК НДПА Асадулла Кештманд.

3 декабря 1987 г. Деревня Рауза (провинция Газни). Джирга старейшин деревни по обсуждению решений Лоя джирги, состоявшейся в Кабуле в ноябре 1987 г.

Справа налево: деревенский авторитет хаджи Мухаммад Аман, М.Ф.Слинкин, заведующий отделом экономики ЦК НДПА М.А.Бавари, шестой – секретарь Газнийского провинциального комитета НДПА Мир Абдулла.

1987 г. Деревня Рамак, центр волости Дехи-Як (провинция Газни).

1987 г. Деревня Рамак (провинция Газни). Слева направо: секретарь деревенской молодежной организации, секретарь волостной партийной организации НДПА Фарук Хедмат, заведующий отделом экономики ЦК НДПА М.А.Бавари, председатель волостного совета Национального фронта Залмай Сабзи, начальник политотдела дислоцированного в провинции Газни советского 191 полка, М.Ф.Слинкин, командир деревенского отряда самообороны Исмаил Тофанги.

АБДУССАМАД АЗХАР (Омархейль), АБДУЛЛАТИФ ПЕДРАМ И ДРУГИЕ

В 1973 г. в одном из номеров «Специального бюллетеня Института востоковедения АН СССР» (издавался под грифом «Для служебного пользования») была опубликована большая статья М.Ф.Слинкина и Г.П.Ежова «Идеологическая работа в афганской армии», в которой впервые в советской (как, впрочем, и зарубежной) печати упоминалась действовавшая в глубоком подполье военная группа под названием «Армейская революционная организация» (АРО). В ее документах (Программе и Целях организации) выдвигалась задача «свержения экономического и политического господства врагов обездоленных и угнетенных трудящихся масс» страны (т.е. монархического режима. - М.С.) путем «подготовки и осуществления вооруженного восстания». При этом решающая роль в победе восстания отводилась армии.

В последующее десятилетие в многочисленных трудах и документах по Афганистану, опубликованных как внутри страны, так и за ее пределами, существование и деятельность данной организации не нашли подтверждения. Мои неоднократные попытки в беседах с видными афганскими политическими и военными деятелями, включая Б.Кармаля, Н.А.Нура, М.Барьялая и других, получить о ней какие-либо сведения не дали результатов. Мои собеседники, как правило, уходили от ответа на мои вопросы или же делали вид, что ничего не знают о ней. У меня, естественно, появилось подозрение, что мы с Г.П.Ежовым стали, сами того не желая, жертвой чьей-то дезинформации. Впрочем, подобные сомнения появились не только у меня. Где-то в начале 80-х годов прошлого века, при очередной встрече с моим учителем и добрым наставником, профессором Р.Т.Ахрамовичем, тогда ректором Института стран Азии и Африки при МГУ, последний с присущим ему тактом скорее не спросил, а высказал на сей счет свое суждение:

– Михаил Филантьевич, вы в свое время писали о тайной военной организации в афганской армии под названием АРО. Прошло почти десятилетие, в Афганистане за это время произошли коренные изменения в государственном устройстве, однако какой-либо информации о ее существовании так и не появилось. Так, может быть, ее и не было на самом деле?!

Повторюсь, у меня тогда не было ответа на этот вопрос. И лишь некоторое время спустя случай помог мне напасть на след данной таинственной организации. А дело было так. Во второй половине 1982 г., в ходе состоявшихся афгано-кубинских переговоров была достигнута договоренность об установлении между двумя странами дипломатических отношений на уровне послов. При этом кубинский лидер Фидель Кастро высказал пожелание, чтобы будущий афганский посол на Кубе обязательно имел блестящее революционное прошлое. Афганское руководство, чтобы удовлетворить желание своего кубинского друга, начало поиски такой личности. В конце концов, выбор пал на Абдуссамада Азхара.

Как свидетельствовали его анкетные данные, А.С.Азхар родился 25 джади 1317 г.х. (14 января 1939 г.) в д. Чардехи (провинция Лагман), в интеллигентной пуштунской семье. В 1962 г. окончил полицейскую академию в Каире (Египет). По прибытии на родину (с октября 1962 по март 1964 г.) преподавал криминалистику и исполнял обязанности заместителя начальника учебного отдела Полицейской академии Афганистана. С марта 1964 по 1970 г. являлся начальником службы по борьбе с контрабандой Кабульского международного аэропорта, а затем (с 1970 по 1973 г.) возглавил службу безопасности данного аэропорта. После государственного переворота 1973 г., когда М.Дауд стал вводить в свое окружение представителей левых, Азхар был назначен на высокий пост начальника штаба командующего силами безопасности министерства внутренних дел (МВД). В это время он принимал участие в работе созданной по указанию М.Дауда комиссии по расследованию антиправительственного заговора во главе с бывшим премьером М.Х.Майвандвалем. В 1974 г. - начальник главного управления безопасности МВД, а затем в течение короткого времени - начальник управления безопасности провинции Герат. Из-за левых взглядов попал в опалу и с июля 1974 по апрель 1978 г. находился в отставке. После Апрельской революции в течение двух недель был советником командующего силами безопасности и советником министра внутренних дел ДРА. С мая 1978 г. снова оказался без работы, а в марте 1979 г. был арестован и до января 1980 г. на-

ходил в тюрьме Пули-Чархи. С приходом к власти правительства Б.Кармаля вышел на свободу, был введен в Революционный совет ДРА и назначен командующим царандоем (полицией). С июня 1980 г. опять оказался без работы. В апреле 1981 г. решением ЦК НДПА и Революционного совета ДРА был направлен уполномоченным по зоне «Юг». В январе 1982 г. смещается с этого поста и в течение более чем года остается не у дел, несмотря на острый дефицит руководящих кадров в стране. К этому времени Азхар имел звание полковника полиции. Считал себя членом НДПА с апреля 1963 г.

Афганское руководство хорошо понимало, что такой послужной список Азхара, почти полностью связанный с его работой в спецслужбах, согласно международной дипломатической традиции, рассматривается негативно как «изъян» для личности посла. Не добавляло ему чести и положение (причем неоднократно) опального деятеля. Поэтому, чтобы устранить оба эти «изъяна» и обеспечить таким образом нужные для Азхара анкетные данные, было принято решение назначить его временно на должность заместителя заведующего Международным отделом ЦК НДПА. Подобное номинальное назначение, как полагали в афганской правящей верхушке, даст ему, кроме всего прочего, еще и время для того, чтобы пройти соответствующую подготовку, необходимую для успешного исполнения в будущем обязанностей чрезвычайного и полномочного посла своей страны.

В его подготовке как дипломатического представителя, кроме сотрудников Международного отдела ЦК НДПА, участвовали также и работники афганского МИДа и действовавшей при нем Академии дипломатической службы. Занятия, в соответствии с персональным расписанием, продолжались примерно два месяца - с февраля по апрель 1983 г. Мне в ходе этой подготовки приходилось встречаться с А.Азхаром почти ежедневно. Мы обсуждали с ним вопросы, касающиеся конкретно многих аспектов его будущей деятельности, в частности международное положение Кубы, ее внутреннюю и внешнюю политику, роль и место этой страны в Движении неприсоединения и пр., а также и сугубо утилитарные вопросы - дипломатический этикет и протокол.

В один из таких дней, завершив обсуждение какой-то проблемы, мы сделали перерыв, чтобы побаловаться чайком и поболтать на отвлеченные темы. Мне самопроизвольно пришел на ум вопрос о той загадочной Армейской революционной организации.

- Товарищ Азхар, вы что-нибудь слышали о так называемой «Армейской революционной организации»? - спросил я, совершенно не надеясь получить положительный ответ, так как хорошо понимал, что передо мной сидит не армейский офицер, а далекий от армии бывший офицер полиции.
- Как же, как же не слышал?! - оживившись, скороговоркой заговорил он. - Мне в свое время выпала честь быть одним из создателей и руководителем этой организации.
- Неужели?! - неподдельно удивился я.

Откровенно говоря, у меня в тот момент возникли определенные сомнения относительно правдивости слов Азхара. Мелькнула мысль, что Азхар, согласно придуманной уже для него легенде, видимо, входит в роль того человека «с блестящим революционным прошлым». Однако по мере его рассказа об истории создания АРО, ее активных членах и особенно после того, как он показал мне на следующий день подлинники документов АРО (Программу, Цели и Устав организации), мои сомнения начали постепенно рассеиваться. Окончательное убеждение в истинности утверждений Азхара об АРО и его причастности к созданию этой организации пришло лишь во время длительных бесед с его соратниками. В их числе следует назвать Забихулла Зиармаля, Гуляма Фарука Якуби, Абдул Ахада Разманда, братьев Абдул Хака и Нур-уль-Хака Олуми и др.

Из слов Азхара следовало, что идея создания в Афганистане «прогрессивной» партии появилась у него во время учебы в полицейской академии Египта, особенно после знакомства с деятельностью организации «Свободные офицеры» во главе с Гамаль Абдель Насером, подготовившей и осуществившей в 1952 г. антимоноархический переворот.

Прибыв в Афганистан в конце 1962 г., Азхар приступил к поиску единомышленников как в кругах полиции, так и в армейской среде. В Полицейской академии, куда его направили на работу, он познакомился с одним из ее преподавателей Мир Акбаром Хайбаром, к тому времени известным в стране приверженцем марксизма и уже отсидевшим в монархической

тюрьме шесть лет по обвинению в нелояльности к правящему режиму. Предположительно в январе 1963 г. младший лейтенант полиции Азхар и курсант Высшего военного училища (Харби похантун) З.Зиармаль поделились с М.А.Хайбаром своими мыслями относительно создания тайной военной организации. Первоначально их представления об «организации» были довольно расплывчатыми: под ней они понимали скорее общенациональную партию, куда бы входили и военные.

М.А.Хайбар одобрил их предложение и организовал для них встречу с Б.Кармалем. В конце января такая встреча состоялась в доме Б.Кармаля, который он снимал в районе Сарайи Газни (на западной окраине Кабула). На ней, кроме Б.Кармаля, присутствовали М.А.Хайбар, Махмуд Барьялай (брат Кармаля), Азхар и Зиармаль. В ходе беседы обсуждались вопросы о необходимости создания политической партии и ее характере, пути и способы привлечения в ее ряды прогрессивно настроенной молодежи и интеллигенции и меры по укреплению связей с политически активными оппозиционными кругами. На этой встрече, как признавали ее участники, пока еще не ставился и не обсуждался вопрос о создании тайной армейской организации. Стороны лишь условились, что военные в дальнейшем по всем интересующим их вопросам, строго соблюдая меры предосторожности, будут поддерживать связь с Б.Кармалем только через М.А.Хайбара.

В апреле 1964 г. Азхар, Зиармаль и примкнувшие к ним лейтенанты Мир-уль-Хак Катра и Алем Висаль, убедившись, что их гражданские друзья не спешат из-за боязни репрессий со стороны властей создавать политическую партию, пришли к решению незамедлительно приступить к формированию самостоятельной подпольной военной организации. Несколько позже к ним присоединились курсанты 3-го курса факультета зенитной артиллерии Харби похантун Абдуллатиф Альзаф и Азизуррахман. Группу возглавил Азхар. Они договорились, что вплоть до создания военной организации, по соображениям безопасности, никого из гражданских лиц, без какого-либо исключения, не ставить об этом в известность и одновременно без промедления развернуть работу по выявлению в вооруженных силах своих сторонников и сочувствующих.

Проведя необходимую подготовительную работу, члены группы 17 сентября 1964 г. собрались в парке дворца Дар-уль-Аман (западная окраина Кабула) на свое заключительное организационное собрание (примечательно, что именно в этот день Лоя джирга принимала новую конституцию Афганистана, которая допускала в стране легальное существование политических партий и организаций, но, конечно же, не в армии). Какой-либо дискуссии на собрании военных не было, так как все вопросы, связанные с созданием тайной организации, были уже обсуждены и согласованы в предварительном порядке. Были лишь декларировано создание Армейской революционной организации и утверждены ее организационные, политические и идеологические принципы, а также ее руководящее ядро (в него вошли все участники собрания). Главой АРО путем тайного голосования единодушно был избран Азхар, а его заместителем - Зиармаль.

Указанное собрание признало необходимым в самое ближайшее время разработать, обсудить и принять основные документы АРО и поручило своему руководителю и его заместителю связаться с инициативной группой по созданию партии трудящихся Афганистана (так они называли будущую партию левых) и известить ее о существовании АРО. Вскоре руководящее ядро АРО утвердило программные документы организации. Они были отпечатаны на пишущей машинке только в двух экземплярах, один из которых хранился в тайнике у Азхара, а второй экземпляр впоследствии был подброшен в советское посольство.

Чтобы избежать подозрений со стороны властей, после создания АРО были упорядочены и заметно сокращены связи ее членов с политически активными гражданскими оппозиционными кругами. Вместе с тем, Азхар продолжал регулярно поддерживать контакты с М.А.Хайбаром и получать от него необходимую информацию о ходе подготовки к учредительному съезду партии.

Итак, АРО явилась самой первой тайной организацией левой ориентации, образованной в афганской армии в первой половине 1960-х годов. Чуть позже, с образованием Народно-демократической партии Афганистана (1 января 1965 г.) АРО вошла в ее ряды. Вопрос о признании АРО в качестве армейской партийной организации НДПА был окончательно решен зимой 1965 г. (видимо, в феврале) на встрече Азхара с секретарем ЦК НДПА Б.Кармалем и

М.А.Хайбаром. С этого времени, по предложению Б.Кармаля, организация стала называться «Армейской революционно-демократической организацией» (АРДО). В своей деятельности она руководствовалась программными партийными установками и указаниями лидеров ЦК НДПА (Парчам), а также отчитывалась перед ними о проделанной работе. Однако в текущих, специфических, вопросах своей деятельности АРДО обладала известной самостоятельностью.

Структурно АРДО строилась по системе ячеек («троек» и отчасти «четверок»), не связанных между собой по горизонтали. Поэтому даже в рамках одного воинского подразделения ее члены не знали, что принадлежат к одной и той же подпольной организации.

Важное значение в деятельности ячеек придавалось проведению собраний. Они организовывались, как правило, каждую неделю и посвящались идейно-политической подготовке ее членов. Необходимо заметить, что в низовых звеньях организации на такого рода собраниях вопрос о конкретной подготовке к вооруженному восстанию, по соображениям конспирации, не ставился. Один из бывших активистов АРДО Абдул Ахад Разманда, с которым автору приходилось многократно беседовать о ее деятельности, дал по этому поводу следующее пояснение: «Для нас важно было создать сплоченную и разветвленную тайную организацию, уберечь ее членов от провала, воспитать ненависть к монархическому режиму и таким образом обеспечить необходимые условия для ее выступления в подходящий момент. Выражения типа «свержение монархии», «вооруженное восстание» и тому подобные мы в беседах между собой не употребляли» (примеч.: в рассматриваемое время лейтенант А.А.Разманда занимал пост начальника учебного отдела Технической академии. 9 сентября 1988 г. генерал Разманда, будучи первым заместителем главного прокурора афганской армии, погиб на севере Афганистана в результате попадания зенитной ракеты «Стингер» в транспортный самолет Ан-32, на котором он летел).

Нельзя не заметить, что монархические власти неоднократно нападали на след АРО-АРДО. Например, в 1963 г. из Высшего военного училища (Харби похантун) было изгнано за политическую нелояльность к режиму около 30 военнослужащих, в 1965 г. несколько курсантов этого училища были схвачены по подозрению «в пропаганде социализма» и расстреляны без суда и следствия, а в марте 1972 г. арестовано несколько членов организации по подозрению в подготовке заговора против короля.

И все же эти и другие репрессии против антимонархически настроенных левых элементов в армии носили эпизодический характер. Относительная неуязвимость тайной организации в армейских кругах объяснялась прежде всего ее глубоко законспирированной структурой, тщательным соблюдением мер предосторожности, а также тем, что молодая военная оппозиция имела своих людей во многих звеньях армейского и полицейского аппарата, в том числе и в органах сыска. Среди них можно было назвать самого Азхара, Г.Ф.Якуби, занимавшего пост начальника управления уголовного розыска МВД и начальника управления полиции Кабульской провинции, Мухаммада Анвара, руководителя подпольной организации в Кандагарском корпусе, ставшего после государственного переворота 1973 г. заместителем начальника контрразведки этого корпуса и др.

Уже к началу 1970-х гг. молодые прогрессивно настроенные офицеры сумели превратить в свою опору ряд подразделений в столичных танковых бригадах, полку связи, батальоне «коммандос», артиллерийской бригаде и некоторых других частях. Среди активистов АРДО, входивших в тот период в ее различные звенья, были, кроме названных выше лиц, молодые офицеры Файз Мухаммад (батальон «коммандос»), Нур-уль-Хак Олуми (курсы «А»), Абдул Хак Олуми (Сержантская школа), Голь Ака, Азиз Азам, Гулям Наби и др. По словам Зиармаля, отвечавшего за работу в сухопутных войсках, к апрелю 1978 г. в АРДО входило около 800 человек. Кроме того, в войсках у данной организации было немало сочувствующих.

Необходимо подчеркнуть, что АРО-АРДО, опекавшаяся членом руководства НДПА (Парчам) М.А.Хайбаром, не была единственной, даже в рамках этой фракции, тайной армейской организацией. В частности, большую работу по созданию партийных организаций в войсках проводил член Исполкома (Политбюро) ЦК Парчам Н.А.Нур, являвшийся в 1970-х гг. руководителем военного отдела ЦК партии. Под его непосредственным руководством действовала, наряду с другими, подпольная военная организация в Кандагарском корпусе. К

апрелю 1978 г. она насчитывала в своих рядах более 60 членов и большое число сторонников. Часть военных группировалась вокруг парчамиста Абдул Вакиля.

В формировании своей военной организации, особенно с середины 70-х гг. прошлого века, преуспело другое крыло НДПА - Хальк. Во главе его военного отдела с 1973 г. оказался Х.Амин, личность напористая и амбициозная. К весне 1978 г. халькистам удалось создать разветвленную подпольную организацию в частях столичного гарнизона и в провинциях. Так, под их контролем находилось большинство батальонов и рот 4-й танковой бригады, дислоцированной в Пули-Чархи; в Кандагарском корпусе в их военную организацию, руководство которой осуществлял Абдуррашид Арьян, входило более 200 офицеров, унтер-офицеров и солдат.

Независимо от указанных военных организаций Парчам и Хальк, в афганской армии в рассматриваемые годы действовали и другие леводемократические организации. Например, в военно-воздушных силах и войсках противовоздушной обороны многие офицеры и унтер-офицеры входили в «Группу Максуди», которая в последующем (в 1974 г.) была преобразована в «Объединенный фронт коммунистов Афганистана» (ОФКА). Его возглавил профессиональный летчик, полковник Абдул Кадыр. ОФКА была самостоятельной организацией, хотя и поддерживала номинальные связи с руководством НДПА. Накануне Апрельской революции 1978 г. в его рядах состояло, по-видимому, не менее 600 человек.

В тот период в Афганистане нелегально функционировали и другие политические группировки, как-то: Группа труда (ГТ), Революционная организация трудящихся Афганистана (РОТА или САЗА), Организация патриотов-трудящихся Афганистана (ОПТА), Революционное общество трудящихся Афганистана (РОБТА) и др. Все они стремились привлечь на свою сторону и военнослужащих. В борьбе за афганскую армию участвовали также и левацкая, промаоистская группировка «Шоалеи джавид» («Вечное пламя») и правые круги - сторонники бывшего премьера М.Дауда, приверженцы «братьев-мусульман», ярые монархисты, клерикалы, прозападная Партия прогрессивных демократов М.Х.Майвандвала и др.

Необходимо обратить внимание на то, что в российской афганистике иногда встречается одно любопытное утверждение, согласно которому деятельность АРО после ее создания якобы «не получила развития». Такой вывод, мягко говоря, представляется сомнительным. Да, действительно, она не стала ни организатором и ни руководителем вооруженных выступлений армии в 1973 и 1978 гг. Ее заслуга, как кажется, состояла в другом: члены и сторонники АРО-АРДО, представляя военную организацию НДПА (Парчам), внесли солидную лепту в морально-политическое разложение офицерского и унтер-офицерского корпуса Афганистана и превратили афганскую армию из оплота режима в его ниспровергателя. Именно усилиями АРО-АРДО и других левых подпольных организаций в афганских вооруженных силах появился костяк радикально настроенной военной оппозиции, которая сначала, отдав поддержку М.Дауду, обеспечила в 1973 г. реализацию своей главной цели - свержение монархии, а затем в 1978 г. - и ликвидацию даудовского республиканского режима, отказавшего ей в доверии.

Вернемся к Азхару. В беседах с ним невольно возник вопрос о причинах его неоднократных отставок. Удивляло то, что его отлучали от работы при правительстве Б.Кармалая, повторюсь, в условиях острого дефицита руководящих кадров в партии и государстве. Азхар дал по этому поводу следующее разъяснение:

— Как вам известно, выйдя из тюрьмы в январе 1980 г., я был назначен командующим царандоем (полицией). В этот период происходило переоформление партийных документов. В своей анкете я написал, что в 1963 г. приступил вместе со своими единомышленниками к созданию в подполье Армейской революционной организации и через полтора года стал ее руководителем. Б.Кармаль, прочитав мою анкету, резко возразил и сказал, что организатором и руководителем АРО были партия (Парчам) и он лично как ее лидер. Спустя некоторое время я оказался не у дел (с июля 1980 по апрель 1981 г.). Через год это повторилось - с мая 1982 по февраль 1983 г. я снова безработный. Так что обе указанные отставки, по моему глубокому убеждению, были связаны так или иначе с вопросом о том, кто же являлся на самом деле создателем и руководителем АРО.

Впрочем, такая же участь постигла и З.Зиармалая, заместителя руководителя АРО. Правда, его безработица исчислялась годами. В 1983 г., когда у меня состоялись с ним первые встречи и беседы, он являлся переводчиком в дариязычном журнале «Проблемы мира и социализма»,

издававшемся в Кабуле ограниченным тиражом. И лишь в июле 1986 г. (после смены в Афганистане высшего партийно-государственного руководства) он был востребован и получил назначение на высокий пост начальника Главного политического управления афганской армии. Вскоре ему было присвоено воинское звание генерал-майора. В ноябре 1986 г. его избирают в члены ЦК НДПА. На указанных постах он остается до падения в апреле 1992 г. режима Наджибуллы.

Работа в Афганистане свела меня с еще одним интересным человеком. Как-то в начале июня 1988 г. я зашел к Рустай, заведующему отделом документации и связи Центрального совета Национального фронта, выходцу из провинции Тахар и большому знатоку военно-политической ситуации на северо-востоке Афганистана. В его кабинете я увидел мужчину, на вид которому можно было дать лет 30-35. Рустай представил его мне:

– Это - Латиф Педрам, заместитель главного редактора газеты «Хакикат-е энкелаб-е саур» («Правда Апрельской революции»), в прошлом, как я вам уже рассказывал, организатор и руководитель группы «Принципиальное крыло» - «Революционные бригады народа Афганистана». К тому же он еще и поэт и, на мой взгляд, хороший поэт.

Так состоялось наше первое знакомство. Выяснилось, что Рустай и Л.Педрам - оба таджики и, кроме того, земляки (последний родился и вырос в д. Маймай, уезда Дарваза (провинции Бадахшан). Высшее образование Л.Педрам получил в Кабульском университете. В дальнейшем мне не раз приходилось встречаться с ним, подолгу беседовать по хорошо известной ему истории зарождения и деятельности различных леводемократических организаций Афганистана. Я безмерно благодарен ему за то, что он любезно предоставил мне очень обстоятельные машинописные записи об истории создания и деятельности Революционной организации трудящихся Афганистана. Кстати, все свои записи он подписывал - Латиф Педрам. Поэтому и я буду называть его так.

Создание РОТА, по словам Л.Педрама, было декларировано на конференции членов группировки под названием «Кружок ожидания», состоявшейся в Кабуле в 1977 г. Л.Педрам тогда входил в ее руководство и отвечал за военные вопросы.

С победой вооруженного восстания в апреле 1978 г. перед РОТА встал вопрос об определении своего отношения к происшедшим в стране переменам и к новому политическому режиму. Как показали состоявшиеся в ее рядах дискуссии, этот вопрос оказался для организации далеко не простым и не бесспорным. Фактически в руководстве РОТА возникли два крыла - так называемые «молодые» и «седоголовые». Л.Педрам относился к числу «молодых».

«Молодые», к ним принадлежал и лидер РОТА М.Т.Бадахши, пришли к убеждению о необходимости коренного пересмотра прежних программных взглядов и установок РОТА. В частности, они считали ошибочной маоистскую «теорию трех миров», взятую ранее на вооружение организации, говорили с симпатией об СССР и рассматривали его как социалистическую страну, идущую в авангарде мирового революционного процесса, выступали против абсолютизации вооруженной формы борьбы. По мнению «молодых», национальные противоречия в стране между пуштунами и этническими меньшинствами не являются главными и их следует рассматривать в тесной увязке с социально-классовыми проблемами. Они выразили готовность сотрудничать с новым правительством и попытаться активно включиться в общественно-политическую жизнь.

«Седоголовые» же не приняли Апрельскую революцию. Они расценили позицию «молодых» как ревизионистскую и противоречащую курсу организации и добились принятия решения о недопустимости для членов РОТА сотрудничества с новыми властями.

Далее произошло то, что должно было произойти: в «разрешение» (!) внутривластных и идеологических противоречий РОТА вмешался диктаторский режим Тараки-Амина, начавший массовые репрессии против ее членов и руководителей. По оценкам РОТА, явно преувеличенным, в тюрьмы были брошены и погибли более трех тысяч членов и сторонников организации. В их число одним из первых попал и Л.Педрам, отсидевший в застенках Х.Амина с июня по август 1978 г. по подозрению в участии в антиправительственном выступлении в уездах Кешм (Бадахшан) и Рустак (Тахар).

Выйдя на свободу, Л.Педрам устанавливает связи с М.Т.Бадахши. Однако вскоре (в конце августа) эти связи прерываются из-за ареста последнего. Многие из оставшихся на свободе

членов РОТА, видя неблагоприятные условия для своей политической деятельности и осознавая угрозу для личной безопасности, бежали в соседние страны, главным образом в Иран и Пакистан или же укрылись под чужими именами в отдаленных провинциях. Оказавшись в Иране, Л.Педрам и его соратники установили контакты с рядом радикальных и левых иранских антишахских группировок, как-то: Организацией моджахедов иранского народа, Организацией партизан-федаев иранского народа, партией Туде. Именно тогда в иранских печатных изданиях впервые появляется статья Л.Педрама о РОТА.

После ареста М.Т.Бадахши руководство организацией постепенно переходит к Мухаммаду Баширу Баглани. Но и он, опасаясь репрессий, выезжает по приглашению родственников в СССР, где и находится до начала 1980 г. В указанный период фактическим руководителем разрозненных, действовавших в глубоком подполье групп РОТА становится Л.Педрам. Вместе с тем и он располагал для руководства организацией внутри страны крайне ограниченными возможностями, так как в это время ему приходилось либо скрываться от агентов Х.Амина, либо выезжать в Иран и Пакистан.

После свержения аминовского режима РОТА восстанавливает свои ряды. Однако внутри нее не прекращаются дискуссии по вопросам, касающимся отношения к Апрельской революции и необходимости коренного пересмотра прежних политических позиций и установок. В руководстве организаций продолжали действовать две группировки – «молодые» и «седоголовые». «Молодые» (Л.Педрам, Абдул Маджид Искандери, Атвар Хайдар, Мухаммад Сани, Султан Махмуд, Гулям Расул и др.) на сей раз выступали за объединение с НДПА и призывали совместно с другими левыми и национально-патриотическими силами защищать революцию с оружием в руках.

Им противостояли в основном старые функционеры организации – М.Б.Баглани, М.Кушани, З.Зохури, Халиль Рустаки, подполковники Азим и Амир, капитан Бесмелла и др. Они категорически отвергали все предложения «молодых», выступали за осторожный, выжидательный подход к вопросу объединения с НДПА и заявляли, что, поскольку она по-прежнему по своему характеру остается буржуазной партией, то любая договоренность с ней будет предательством по отношению к РОТА, и что необходимо еще посмотреть, как будут дальше развиваться события и не повторятся ли печальные времена Х.Амина.

В результате возникших разногласий из РОТА в январе 1980 г. выделилась группа, получившая название «Принципиальное крыло» («Дженах-е осули») или «Революционные бригады народа Афганистана» (в печати и массовом обиходе эту группу чаще всего называли «Революционные бригады»). Ее возглавил Латиф Педрам. Кроме него, в руководство группы вошли А.М.Искандери, Атик Кейван, инженер Кадир, Атвар, Мухаммад Сани, Хайдар, Гулям Расул. В том же году группа передала руководству НДПА заявление о приеме в партию около 1,5 тысяч своих членов, которое, к сожалению, длительное время не находило поддержку и понимание в ЦК НДПА.

Одновременно с направлением в адрес ЦК НДПА этого заявления группа «Революционные бригады» предприняла ряд практических мер по открытому участию в борьбе против вооруженной оппозиции. С этой целью Л.Педрам, А.М.Искандери и еще 20 их соратников отправились на север страны, в провинции Бадахшан, Тахар, Баглан, Фарьяб и Балх. Весной 1982 г. группа «Революционные бригады» по просьбе НДПА и правительства провели большую работу в провинциях Фарьяб, Балх, Кундуз и некоторых других по склонению банд к прекращению боевых действий и сотрудничеству с властями. При непосредственном участии функционеров «Революционных бригад» на севере страны было сформировано несколько батальонов и полков защитников революции. Бойцы «Революционных бригад» оказали неоценимую помощь в поисках и освобождении советских специалистов, захваченных в Мазари-Шарифе в январе 1983 г. одной из антиправительственных группировок и увезенных в ущелье Мармуль (провинция Балх). На счету «Революционных бригад» было немало и других боевых заслуг.

Группа «Революционные бригады» после установления контактов с НДПА рекомендовала на разные посты в провинциальном аппарате Кундуза, Тахара, Балха, Фарьяба и Бадахшана многих своих активистов, что заметно содействовало укреплению и расширению ее связей с партией и госвластью.

В 1984 г. в соответствии с достигнутой договоренностью между НДПА и руководством группы «Революционные бригады», часть членов группы вошла в партию, в основном в индивидуальном порядке. Лишь 20 человек во главе с А.М.Искандери были приняты в партию на коллективной основе. В связи с тем, что значительное число членов группы отказалось от объединения с НДПА, Л.Педрам, не желая оставлять своих товарищей по борьбе, в то время не вступил в НДПА и продолжал общественно-политическую деятельность вне ее рядов. После вступления в НДПА в 1986 г. он был назначен заместителем главного редактора газеты «Хакикат-е энкелаб-е саур» (затем эта газета получила название «Пейам»).

В 1989 г. Л.Педрам неожиданно покинул свой пост в указанной газете и отправился на северо-восток страны, где примкнул к своему старому другу Ахмад Шаху Масуду, одному из видных представителей Исламского общества Афганистана. Хорошо зная его (Л.Педрама) революционный романтизм и цельность его политической фигуры, мне трудно представить, что он сделал это по идейным соображениям. Скорее всего, его уход к А.Ш.Масуду явился одним из эпизодов в работе афганских правительственных спецслужб по установлению непосредственных контактов с этим легендарным полевым командиром.

С крушением левого кабульского режима в 1992 г. Л.Педрам перебирается в Таджикистан, а затем - в Париж. Здесь он вместе со своими единомышленниками из числа афганской эмигрантской интеллигенции создает «Партию национального конгресса Афганистана» («Хезб-е конгра-йе мелли-йе Афганестан»). В 2004 г. она получает в Афганистане статус легальной политической организации.

На общенациональных выборах, состоявшихся в октябре 2004 г., Л.Педрам баллотируется на пост президента Исламской Республики Афганистан. В ходе предвыборной кампании он выступает с типичными для его убеждений программными лозунгами: требует создания в стране федеративного государства и обеспечения таким образом подлинного равенства всех народов, населяющих Афганистан; подвергает острой критике переходное правительство Х.Карзая и особенно «шовинистические круги в нем»; призывает обеспечить в стране права человека, демократию и социальную справедливость; резко осуждает поведение американских военных в Афганистане; считает недопустимым создание на территории Афганистана баз иностранных государств и т.п.

Президентские выборы для Л.Педрама были неудачными: он получил лишь 1,4% голосов избирателей. Он и ряд других неудачников президентской гонки (Юнус Кануни, Хаджи Мухаммад и др.), чтобы взять реванш на парламентских выборах 2005 г., создают оппозиционный блок «Совет национального согласия» («Шура-йе тафахом-е мели»). Однако их намерению занять большинство мест в парламенте и обеспечить таким образом парламентский контроль над правительством не суждено было сбыться. Лидеры этого блока, в том числе и Л.Педрам, в ходе подсчета голосов (а он продолжался без малого два месяца, до 12 ноября 2005 г.) неоднократно выражали протесты по поводу фальсификаций итогов голосования.

К сожалению, в моем распоряжении нет сведений о том, получил ли Л.Педрам депутатский мандат. Как мне думается, даже вне стен парламента он не оставит бурной общественно-политической деятельности. Таковой всегда была суть его натуры - и человека, и политика.